Австралийский робинзон

Уильям Бакли
Джон Морган

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автобиографическое повествование Бакли (в другой транскрипции Бекли) — беглого ссыльного — англичанина, прожившего тридцать два года среди туземцев Австралии, есть прежде всего ценнейший этнографический документ. Бакли был одним из первых европейцев, вплотную соприкоснувшихся с австралийскими племенами в те начальные годы колонизации материка, когда эта колонизация еще совершенно не нарушила самобытного уклада их жизни. Он долгие годы жил их жизнью, кочевал и охотился вместе с ними, терпел нужду и голод, разделял их волнения и радости, во всем уподобился туземцам, обзавелся семьей. Он даже начисто забыл родной английский язык. Поэтому те сведения, которые сообщает Бакли об австралийцах, представляются куда более весомыми, чем сообщения позднейших наблюдателей, даже хорошо подготовленных специалистов-этнографов.

Наблюдения Бакли над бытом австралийцев правдивы, но очень отрывочны; о социальном строе туземцев мы узнаем из его сообщений очень мало, о верованиях — еще меньше. Сверх того, обо всем виденном и испытанном Бакли рассказывал впоследствии лишь по памяти, в рассказах его могут поэтому быть (и даже непременно есть) неточности, не говоря уже о пробелах. Но все эти минусы искупаются прежде всего искренностью рассказа.

- Австралийский робинзон
  -
  - От редактора
  - Предисловие
  - Глава 1
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
- notes
  - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45

○ 46
○ 47

Австралийский робинзон (Жизнь и приключения Уильяма Бакли, рассказанные Джоном Морганом)

От редактора

Автобиографическое повествование Бакли (в другой транскрипции Бекли) — беглого ссыльного — англичанина, прожившего тридцать два года среди туземцев Австралии, есть прежде всего ценнейший этнографический документ. Ценнейший уже потому, что Бакли был одним из первых европейцев, вплотную соприкоснувшихся с австралийскими племенами в те начальные годы колонизации материка, когда эта колонизация еще совершенно не нарушила самобытного уклада их жизни. И он не просто соприкоснулся с ними, нет, он долгие годы жил их жизнью, кочевал и охотился вместе с ними, терпел нужду и голод, разделял их волнения и радости, во всем уподобился туземцам, обзавелся семьей. Он даже начисто забыл родной английский язык. Поэтому те сведения, которые сообщает Бакли об австралийцах, представляются куда более весомыми, чем сообщения позднейших наблюдателей, даже хорошо подготовленных специалистов-этнографов, заставших, однако, лишь полуразрушенные остатки самобытного уклада жизни туземцев Австралии, да и к тому же по большей части не знавших их языка.

История жизни и приключений Уильяма Бакли во многом напоминает биографию другого такого же невольного бродяги — американца Джона Тэннера, которому суждено было провести тридцать лет среди индейцев Северной Америки: Тэннер, как и Бакли, тоже вполне усвоил образ жизни местных охотничьих племен и, подобно Бакли, лишь к концу жизни с трудом вернулся в «цивилизованное» буржуазное общество. Книга Тэннера, привлекшая в свое время внимание Пушкина, но лишь недавно изданная целиком на русском языке, является прекрасным источником для историко-этнографического изучения североамериканских индейцев. Не меньшее значение для этнографического изучения австралийцев и для общей этнографии имеет книга Уильяма Бакли.

Правда, возлагать преувеличенные надежды на сообщения Бакли (равно как и на сообщения Тэннера) не следует. Автор, малообразованный человек, забывший в своих странствованиях даже простую грамоту, меньше всего задавался научными вопросами в своих взаимоотношениях с туземцами, Он просто спасал и поддерживал свою висевшую на волоске жизнь. Наблюдения Бакли над бытом австралийцев правдивы, но очень отрывочны; о социальном строе туземцев мы узнаем из его сообщений очень мало, о верованиях — еще меньше. Сверх того,

обо всем виденном и испытанном Бакли рассказывал впоследствии лишь по памяти, а за три десятка лет трудно все так точно запомнить; в рассказах его могут поэтому быть (и даже непременно есть) неточности, не говоря уже о пробелах.

Но все эти минусы искупаются прежде всего правдивостью и искренностью рассказа. Автор не приукрашивает ни себя самого, ни тех охотников-туземцев, с которыми он прожил столько лет и к которым очень привязался. Он очень ярко рисует благородные человеческие черты их характера, но не скрывает и темных его сторон. Постоянная межплеменная рознь и отчужденность, взаимное недоверие и вражда между племенами порождали частые столкновения, порой, казалось бы, по ничтожному поводу. А эти столкновения вели к человеческим жертвам, и жертвами были иногда ни в чем не повинные дети… Бакли не скрывает своего отвращения к этим жестокостям — равно и к таким ужасным обычаям, как каннибализм, умерщвление новорожденных, — но к самим людям у него сохраняется неизменно дружелюбное отношение. Своим тактичным посредничеством он сумел предотвратить кровавое столкновение английских колонистов с туземцами в районе будущего Мельбурна, причем в момент первого появления здесь колонистов оказывал важные услуги и той и другой стороне.

Ко всему сказанному надо добавить, что повествование Бакли о его похождениях так живо и занимательно составлено, а сами похождения так необычны и экзотичны, что книга читается с увлечением, как лучшая приключенческая повесть. Книга несомненно найдет себе весьма многочисленных читателей.

Рассказ Бакли записан с его слов его другом Джоном Морганом, издателем газеты в Хобарте (Тасмания), где прожил свои последние годы наш скиталец. Морган и издал записанное («Life and Adventures of William Buckley», by John Morgan,Tasmania, 1852) со своим предисловием, которое здесь воспроизводится. В 1964 г. в Лейпциге вышло немецкое издание книги Бакли («Ein Australischer Robinson», Leipzig, 1964) под редакцией и с обстоятельными примечаниями молодого этнографа ГДР Хельмута Рейма. Часть этих примечаний заимствована для настоящего издания. Другие примечания сделаны редакцией.

Проф. С. А. Токарев

Предисловие

Возможно, некоторые читатели этой книги сочтут, что автор злоупотребляет короткими примитивными фразами, что его рассказ очень проигрывает от такого стиля. Предвидя это, считаю своим долгом предупредить, что герой, о чьих приключениях пойдет речь ниже, не умеет ни читать, ни писать.

Задавая ему наводящие вопросы, я с огромным трудом восстанавливал события его жизни в хронологической последовательности, без чего трудно было бы в них разобраться.

Я надеюсь, это обстоятельство будет принято во внимание критиками.

Что касается содержания книги, то его достоверность не вызывает у меня сомнений. Уильям Бакли, от имени которого ведется повествование, уверял меня, будто в его рассказе нет даже частицы вымысла. В этом убеждал меня и мой личный опыт. Я несколько лет провел среди туземцев Австралии, а еще раньше наблюдал жизнь обитателей многих далеких стран в других частях света.

По-видимому, именно это обстоятельство побудило нашего героя обратиться ко мне с просьбой написать о его жизни. С тех пор прошло немало времени, пока мы смогли практически приступить к делу. Обоим было недосуг.

Но вот Бакли отчислили с государственной службы и назначили ему пенсию — целых двенадцать фунтов в год.

Примерно в это же время я ушел с весьма «доходной» должности редактора колониальной газеты и, к нашему обоюдному удовольствию, приступил к работе.

Излагая историю жизни Бакли от первого лица, я старался передать его воспоминания безыскусными словами, наиболее соответствующими характеру его мышления.

Джон Морган

Глава 1
ПОБЕГ

Я родился в 1780 году в Англии, в графстве Чешир. Родители мои были бедные люди и честным трудом зарабатывали свой хлеб, возделывая небольшой участок земли в окрестностях Маклсфилда. У них было четверо детей — два мальчика и две девочки.

Не знаю, что стало с моими сестрами, а о брате я совсем недавно слышал, будто он по сей день живет в графстве Чешир, в городке Мидлвитче, славящемся своими соляными копями.

Необычный, бродячий образ жизни, который мне пришлось вести, естественно, стер из моей памяти многие воспоминания детства и юности. Картины той поры редко посещали меня, да и то казались смутным сном. Но все же кое-что я помню хорошо.

Помню, что почему-то я рос у деда со стороны матери и что он заставлял меня ходить в вечернюю школу, где я научился читать. Когда мне минуло пятнадцать лет, добрый старик отвел меня к каменщику Роберту Уайятту, чтобы тот научил меня класть дома, — ирония судьбы, как вы сами потом увидите, ибо я в течение тридцати двух лет жил в совсем иных строениях, которым крышей служили бескрайние просторы неба. По-видимому, дедушка и бабушка, с первых дней моей жизни заменившие мне родителей, не проявляли должной строгости, поэтому требовательность каменщика и даже его усилия сделать из меня хорошего мастера казались мне проявлениями ничем не

вызванной жестокости. Это порой выводило меня из себя, недовольство мое было сильнее доводов рассудка, и в девятнадцать лет[1] я решил пойти в солдаты, чтобы завоевать славу на поле брани и стать капралом или полковником — кем именно, мне было все равно, тем более что я не очень хорошо понимал, в чем разница между этими званиями и какие опасности, испытания и лишения ждут меня на военном поприще.

И вот, поддавшись порыву, и вступил в ополчение и получил за это вознаграждение — десять гиней — сумму, казавшуюся мне неисчерпаемой; не прошло, однако, и года, как мне захотелось ее пополнить, и я записался волонтером в четвертый его величества пехотный полк, которым командовал подполковник Диксон, превосходный офицер.

Месяца через полтора нас отправили в Голландию, где герцог Йоркский, возглавлявший английские войска, пытался сдержать натиск французских республиканцев[2]. Наш полк влился в дивизию покойного генерал-лейтенанта графа Чатхэма.

Я не собираюсь задерживаться на этом периоде моей жизни или подробно описывать военные действия в Голландии; скажу только, что в одном из сражений мы понесли большие потери, а я был ранен — и довольно сильно — в правую руку. Вскоре наш корпус вернулся в Англию, и четвертый полк стал лагерем в Чатхэме. Здесь я получил еще одну денежную награду, на этот раз за длительную службу (ведь я уже четыре года носил мундир и благодаря своей исполнительности и примерному поведению был на хорошем счету). А может, начальство выделяло меня за высокий рост — во мне было как-никак шесть футов пять дюймов[3].

Все бы хорошо, да тут сказались недостатки моего воспитания. Меня снова начало точить какое-то беспокойство, и я, к сожалению, связался с дурными людьми в нашем полку, которые постепенно подчинили меня своему влиянию.

Сначала мы просто озорничали, но дальше — больше, и в конце концов, когда я вернулся из шестинедельного отпуска — я проводил его у приятелей в Чешире, — мне и моим дружкам предъявили обвинение в том, что мы нарушили закон.[4]

Суд признал меня виновным, но в то время законы толковались так странно, когда дело касалось солдат и матросов, что я до сих пор не знаю, к какому наказанию и на какой срок был приговорен.

Чтобы это не удивило моих читателей, напомню, что в то время ссылка еще не стала мерой наказания, налагаемой законом, и что судьбой солдат и матросов распоряжались чаще всего военные власти, а не судьи, многие из которых считали, что

армия и флот им не подвластны. Как бы то ни было, приговор разлучил меня с родными, о которых я с тех пор ничего не знаю. Вот только, повторяю, о брате я прослышал, будто он совсем недавно жил еще в Мидлвитче.

Итак, судьба моя резко изменилась. Я стал арестантом и строил укрепления под Вулвичем. Но примерно через полгода у меня появилась надежда восстановить репутацию честного человека и снова стать свободным: английское правительство приняло решение основать каторжную колонию на берегу залива Порт-Филипп, который, находится на юго-восточном побережье Новой Голландии[5].

В то время это была единственная заселенная часть материка, известная под названием Новый Южный Уэльс.

Большую группа арестантов — я, очевидно, попал в их число лишь потому, что знал ремесло каменщика, — погрузили на борт корабля его величества «Калькутта». Командовал судном капитан Вудрифф. На нем же плыл будущий губернатор нового поселения подполковник Коллинз[6] в сопровождении офицеров и взвода солдат; они должны были охранять нас в пути и по прибытии на место. Не скажу, чтобы они были очень уж строги. Мне, например, поскольку я изо всех сил старался быть полезным, даже разрешали большую часть времени проводить на палубе и помогать команде. Вообще, надо отдать должное офицерам, обращались они с нами сносно, насколько это было возможно в ту пору, когда насилие считалось главным методом воздействия на заключенных, а кнут и веревка были с ними неразлучны. По тогдашним понятиям, любая попытка повлиять на преступника, смягчить его душу, утешить, внушить надежду на возвращение в общество была равносильна подстрекательству к бунту. Если заключенный не получал дополнительного срока и не подвергался дисциплинарным взысканиям, он мог считать, что ему повезло.

Но вот наше плавание пришло к концу, и «Калькутта» бросила якорь примерно в двух милях от мыса Лонсдейл[7]. Австралийцы называли его Коонан, что означает «угорь», так как прибрежные воды изобиловали этой рыбой. От ближайшего населенного пункта — Сиднея мыс отделяло не менее шестисот миль. Именно поэтому колонию решили основать здесь, чтобы у каторжников не было даже надежды на побег.

Вскоре узники и стража высадились на сушу. Тем, кто вроде меня знал строительное ремесло, разрешили поселиться в стороне от всех, так как пильщикам, штукатурам, каменщикам надо было свободно передвигаться, как того требовала их работа.

Из общественных зданий мы прежде всего принялись строить

склады. Почти три месяца я клал кирпичи, и все это время меня одолевало желание бежать и добраться до Сиднея. Намерение это граничило с безумием. Меня могли схватить, и тогда мне грозила бы суровая кара, возможно казнь. Если бы даже мне удалось уйти от преследователей, в чужом, неведомом краю, населенном дикарями, чьих обычаев и языка я не знал, меня подстерегали тяжелые лишения, голодная смерть, не говоря уже о несчетных опасностях, которые читатель может только вообразить, да и то если у него богатая фантазия. Описать же их не в силах никто, даже я, хотя по воле господней я их все преодолел.

Сейчас это дело прошлое, тогда же все невзгоды были еще впереди, но парень я был здоровый, сильный, слыхал, какие подвиги совершали храбрецы, чтобы отстоять свою жизнь и свободу, и твердо решил при первой же возможности бежать. Скорее всего меня подстегивал мой неспокойный характер, не мирившийся ни с каким принуждением.

Одним словом, я сговорился с тремя товарищами в первую же темную ночь бежать, захватив с собой как можно больше провизии и ружье, с которым нам разрешали охотиться на кенгуру и опоссумов.

Вскоре нам представился подходящий случай. Мы выскользнули из поселка как будто незамеченные, но в самый последний момент часовой окликнул нас. Не получив ответа, он выстрелил, и один из наших товарищей, тот, что шел последним, упал как подкошенный, убитый, очевидно, наповал[8]. Во всяком случае я о нем больше никогда не слыхал.

Часа три-четыре мы бежали и, только почувствовав, что наши силы на исходе, решили передохнуть и подкрепиться. Ушли мы уже довольно далеко, пора было подумать, что делать дальше, и проверить багаж. Он состоял из нескольких оловянных мисок, чугунного котелка, охотничьего ружья и запаса продовольствия на несколько дней. Вскоре мы двинулись дальше и шли, пока не достигли берега реки, протекающей поблизости от залива[9]; австралийцы называют ее Даки Барвон[10]. Здесь мы отдыхали до рассвета. Утром, уже собираясь тронуться в путь, мы увидели большую группу, а может быть, целое племя австралийцев, вооруженных копьями; я выстрелил, желая их вспугнуть необычным звуком. Они и в самом деле перепугались и поспешно скрылись в лесу.

Тут уместно заметить, что теперь уже нам нечего было опасаться погони. Губернатор Коллинз был уверен, что любой беглый каторжник предпочтет явиться с повинной, нежели погибнуть от голода; к тому же мы шли ночью так быстро, что оставили лагерь далеко позади.

Все же нам хотелось пройти в первый день еще больше. Мы решили избавиться от совершенно ненужного нам чугунного котелка и выбросили его в кусты. Тридцать два года спустя его там нашли люди, которые расчищали участок для посевов.

Нам надо было переправиться через реку, но ни один из нас не умел хорошо плавать. Я первым вошел в воду и с грехом пополам помог переплыть на другой берег своим товарищам, а затем переправил и нашу одежду.

К наступлению темноты мы находились примерно в двадцати милях от того места, где сейчас расположен Мельбурн. Переночевав, мы Перешли вброд реку Ярра[11], затем пересекли обширную равнину и достигли Яванг Хиллс. За ужином доели остатки хлеба и мяса. Надо было бы, конечно, с самого начала распределить свои запасы так, чтобы их хватило на большее время, теперь же нас из-за собственной неосмотрительности ждал голод.

Утром я сказал своим спутникам, что нам надо выйти на побережье и там искать пищу. Они согласились, и мы проделали весь длинный утомительный путь в обратном направлении. Зато на берегу моря мы отыскали несколько моллюсков и ими заглушили голод. В большой бухте — австралийцы называют ее Курайу — нам посчастливилось найти источник с пресной водой, и рядом с ним мы заночевали.

Утром мы двинулись дальше по берегу залива, собирая моллюсков, и в конце концов пришли в Вудела, что на языке австралийцев означает «скала». Здесь мы снова отдохнули, если только можно отдохнуть при отсутствии самого необходимого для поддержания жизни. Моллюски, правда, спасали нас от голодной смерти, но мы очень страдали от такой еды. На следующий день мы продолжали идти в прежнем направлении. По дороге нам попадались хижины австралийцев, и мы ежеминутно опасались, что натолкнемся на одно из племен, которые охотятся и ловят рыбу в этой части побережья. Еще через день пути мы заметили островок Барвал, до которого можно было добраться во время отлива. Здесь мы задержались на несколько дней, чтобы восстановить свои почти совсем истощившиеся силы. На острове было много смолы. От нагревания над костром она становилась мягкой и годилась в пищу. Мы питались этой смолой и рыбой.

С Барвала была видна «Калькутта», стоявшая у противоположного берега залива. Лишения охладили пыл моих товарищей. Они страстно желали вернуться на «Калькутту». Мы принялись подавать сигналы: ночью жгли костры, а днем вывешивали на деревья и шесты наши рубашки.

Наконец в один прекрасный день от корабля отчалила лодка и направилась в нашу сторону. Мои спутники, конечно, боялись грозившего им наказания, но страх голодной смерти был сильнее. В глубине души они надеялись, что из сострадания к перенесенным ими мукам губернатор смилостивится и простит их, и поэтому с нетерпением ожидали лодку.

Но увы! Примерно на полпути она повернула обратно. Надежды наши лопнули, как мыльный пузырь, и мы еще шесть дней провели на островке, все время подавая сигналы, но без всякого успеха. Мои товарищи совсем отчаялись и стали горько сетовать на свою судьбу.

На седьмой день к вечеру они решили по берегу залива вернуться в лагерь. Долго уговаривали они меня, но я оставался глух ко всем увещеваниям, твердо решив сохранить свою свободу, чего бы мне это ни стоило. Вскоре мы разошлись в разные стороны[12].

Несмотря на мою решимость не расставаться с волей, после ухода товарищей мною овладела тоска. Я не в силах рассказать, какие чувства обуревали меня. Я думал о друзьях юности, о событиях детских лет, о начале своей самостоятельной жизни, о приговоре, обрекшем меня на рабство, о свободе, к счастью, обретенной мною, но при каких обстоятельствах! При одной мысли об обстановке, в которой я очутился, у меня сжималось сердце.

В течение нескольких часов меня терзали самые мрачные предчувствия. Скрепя сердце я в одиночестве отправился дальше.

Не могу понять, почему я решил, что смогу добраться до Сиднея, двигаясь при этом в противоположном от него направлении. Мне было тогда невдомек, что, даже достигнув цели, я тут же был бы схвачен как беглый каторжник. Вся эта затея была чистым безумием.

В первый день своего путешествия в одиночестве я увидел издалека большую группу австралийцев, расположившихся возле шалашей из коры и веток. Думаю, их было около ста. Несколько австралийцев заметили меня и направились в мою сторону.

Насмерть перепугавшись, я бросился к реке и в одежде переплыл ее, но с непоправимой потерей. Тлеющая головешка, с которой я не расставался в пути, затухла. Теперь я лишился возможности варить пищу и обогреваться.

К счастью, австралийцы не стали меня преследовать и вернулись к своим шалашам.

Успокоившись, я снова зашагал по направлению к морю. Спать я улегся в густом кустарнике, прикрывшись листьями, ветками и тростником.

Ночь я провел ужасную. Платье мое промокло, а погода стояла холодная — было начало весны. Когда рассвело, я прежде всего осмотрелся — нет ли поблизости австралийцев, не горят ли где-нибудь костры. Ничего не заметив, я покинул свое неудобное ложе и отправился дальше.

Побережья я достиг в часы отлива. На обнажившемся песке лежало множество моллюсков. Австралийцы называют их *кудеру*. По форме они немного похожи на устриц, но по размерам больше и мясо их тверже — пища, надо сказать, нелегко усваиваемая желудком. Внутри раковина напоминает жемчужницу.

Теперь я был вынужден проглатывать моллюсков сырыми, что усиливало жажду, а ведь пресной воды у меня не было. Только к вечеру я вышел к довольно глубокой и широкой реке Карарф и расположился здесь на ночлег. Эта ночь была еще хуже предыдущей: мне пришлось снять непросохшую одежду и развесить ее на деревьях. От холода и ветра я укрылся в высокой траве.

На следующий день я перебрался через Карарф и повернул от нее резко в сторону. Весь день меня мучила жажда, и, пытаясь утолить ее, я собирал с листьев росу, но и ее было мало, так как по ночам дул сильный ветер.

Заночевал я у реки Дуронгвар, и, как прежде, крышей мне служило небо, а постелью — голая земля. Меня одолевало беспокойство: днем я видел несколько пустых хижин австралийцев, значит, они где-то неподалеку. Поэтому я старался по возможности не углубляться в лес, хотя иногда был вынужден отходить от побережья, чтобы пересечь встречавшиеся по пути реки.

На следующий день я вышел к другой реке, которую, как узнал позже, местные жители называют Куарка Дорла. Из живых существ мне попадались на глаза только птицы да дикие собаки[13]. Последние при моем приближении убегали, но их унылый вой, особенно по ночам, заставлял меня с еще большей остротой ощущать безысходность моего положения.

Хотя и потеплело настолько, что мне казалось, будто я за несколько дней очутился в другом климатическом поясе, страдания мои не уменьшились. Напротив, усилилась терзавшая меня жажда, которую мне не удавалось утолить даже около рек: вода в них имела солоноватый привкус и во время отлива. Питался я по-прежнему исключительно моллюсками.

Мною овладело такое безразличие, что я, почти не думая больше о своей безопасности, с наступлением сумерек рухнул в изнеможении на землю. Утром, однако, я продолжил свой путь, но наступивший день был еще неудачнее предыдущего.

Мне не удалось найти ни одного моллюска, ни кусочка иной пищи, ни капли воды, и к вечеру я испытывал страшные муки. Назавтра я уже с трудом волочил ноги и был уверен, что наступил мой последний день. Мне все чаще приходилось останавливаться для отдыха.

В конце концов я набрел на две скалы, тесно прижавшиеся одна к другой; усталый и измученный, с израненными ногами, почти отчаявшийся, я улегся под ними.

Вскоре начался прилив, и мне пришлось вскарабкаться на скалу. Я оставался там, пока уровень воды не спал. Спускаться было нелегко. Тем не менее, собрав остатки сил, я поплелся вперед, вдоль побережья. Через несколько часов, к моей великой радости, я набрел на реку Манговак — увы, тоже с соленой водой — и переправился через нее. На другом берегу австралийцы выжгли заросль. Тщательно исследовав пепелище, я, к счастью, обнаружил тлеющее дерево и захватил с собой головешку. Теперь у меня снова был огонь, хотя вроде бы и ни к чему: еды у меня не было, пресной воды — тоже.

Я уже вконец отчаялся, когда увидел высокий куст, усыпанный неизвестными мне ягодами. Они могли оказаться ядовитыми, поэтому я старался на них не набрасываться.

Ягоды меня порядочно подкрепили, а тут мне еще посчастливилось найти источник с прекрасной водой, из которого я пил, сколько душе моей было угодно.

В этот день всевышний был ко мне благосклонен — очевидно, из сочувствия к моим страданиям — и послал моллюсков в большом количестве.

Итак, теперь у меня были огонь, пища и вода.

Чуть не забыл сказать, что мои товарищи захватили с собой ружье, которое мы унесли из лагеря. Да и вообще я, наверно, многие подробности упускаю или рассказываю не вполне последовательно. Надеюсь, читатели простят меня: время и страдания многое стерли из моей памяти, оставив в ней только то, что забыть невозможно.

В этом благословенном уголке я задержался на неделю, а может, две или три, трудно сказать, ведь я потерял счет времени и замечал только смену дня и ночи. Силы мои вскоре восстановились, и, уж конечно, я не преминул горячо поблагодарить бога за то, что он не оставил меня в беде, и попросить его помощи в тех лишениях и страданиях, которые, быть может, еще ждали меня.

Однажды пошел ливень — первый с начала моего путешествия — и не прекращался целые сутки, но я нашел пещеру и укрылся там от потоков воды.

Окрепнув, я возобновил свой путь, стараясь не удаляться от побережья, где было вдоволь моллюсков, хотя мне по-прежнему приходилось туго из-за недостатка пресной воды: ко всех попадавшихся на моем пути реках вода была соленой или солоноватой.

Через два дня я дошел до большой скалистой гряды протяженностью около мили — австралийцы называют ее Нураки. Над ней нависал крутой берег, почти заслонявший ее от лучей солнца. Мне показалось, что здесь не бывает отливов и глубина воды почти не меняется.

Это было первое место, где я задержался надолго. Дело в том, что из-за плохой пищи, особенно скудной в последнее время, да к тому же еще принимаемой нерегулярно — я то голодал по нескольку дней, то наедался до отвала, — по всему телу у меня высыпали нарывы и болячки, так что каждое движение причиняло мне боль, и я с трудом передвигался. Вот я и решил остаться здесь, пока не выздоровею, тем более что со скалы сбегал быстрый ручей с пресной водой. Около него я начал строить шалаш из веток и морских водорослей. Нелегкая работа для больного человека, но я, превозмогая мучения, причиняемые мне малейшими усилиями, за три-четыре дня закончил свою «виллу»; в ней я прожил несколько месяцев.

Мой рацион пополнился ползучим растением, обнаруженным мною на побережье. По вкусу оно напоминало арбуз довольно пресная, но хорошо освежающая пища. Кроме того, я нашел поблизости ягоды, похожие на смородину — черную и белую, и каждый день устраивал роскошные пиршества. Мои силы — физические и духовные — быстро восстанавливались. Помню, мне даже приходила в голову мысль остаться здесь до конца своих дней, но я всякий раз быстро от нее отказывался. Человек не может жить без себе подобных, в нем заложены инстинкты, заставляющие его обзаводиться семьей, пусть даже самой скромной, и обществом, пусть даже самым непритязательным.

Глава II
ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С АВСТРАЛИЙЦАМИ

Однажды, когда, погруженный в думы, я смотрел из своей робинзоновской хижины на расстилавшиеся впереди безбрежные воды, мне показалось, что я слышу человеческие голоса. Оглянувшись, я, к моему удивлению, увидел троих австралийцев, которые стояли на высоком берегу прямо надо мной. Их единственную одежду составляли короткие шкуры опоссума, наброшенные на плечи. Они стояли надо мной, с копьями в руках, я же был совершенно беззащитен и, признаться, здорово испугался. Надеясь, что они меня не заметили, я заполз в расселину скалы.

Австралийцы, однако, вскоре отыскали меня и начали что-то кричать. Мне показалось, что они предлагают мне выйти, и я выполз наружу (к тому же в расселине стояла вода и долго я оы там все равно не высидел), почти не рассчитывая на их милосердие. Они удивленно уставились на меня: по-видимому, их поразил мой рост. Схватив обе мои руки, они ударяли то себя, то меня в грудь, издавая при этом звуки, которые походили одновременно и на пение, и на плач. Мне они казались зловещими. Затем австралийцы ткнули пальцем на шалаш и дали мне понять, что желают осмотреть его. Мы вошли внутрь. Мои новые друзья — если это были друзья — чувствовали себя как дома, хотя явились без всякого приглашения. Один из них развел

большой костер, а другой, сбросив шкуру, зашел в море и наловил раков, которых бросил в огонь, поглядывая на меня с таким выражением, словно затем собирался зажарить меня, чтобы внести некоторое разнообразие в меню Сейчас, вспоминая об этих минутах, я, конечно, могу улыбаться и даже смеяться, но тогда, смею вас заверить, мне было не до смеха.

Наконец обстановка разрядилась. Австралийцы вынули раков и разделили их между всеми по справедливости, причем мне даже дали первому и притом самых лучших.

Когда с едой было покончено, австралийцы знаками объяснили мне, чтобы я следовал за ними.

Я колебался, так как не знал, каковы их намерения, но пришлось повиноваться. Мы вышли из шалаша. Двое пошли вперед. Меня сопровождал только один австралиец, и я начал было подумывать о бегстве, но мой вооруженный страж глаз с меня не спускал.

Так мы добрались до хижин австралийцев — двух не больших сооружений из дерна, в каждом из которых могли улечься, вытянувшись во весь рост, два человека. К этому времени почти совсем стемнело. Увидев, что одну хижину заняли два австралийца, шедших впереди, а со мной остается лишь мой конвоир, я снова стал надеяться, что ночью смогу убежать. Он, однако, ни на секунду не сомкнул глаз и всю ночь напролет что-то бормотал, так что утром я чувствовал себя совершенно разбитым от напряжения и беспокойства.

На рассвете австралийцы дали мне понять, что собираются идти дальше, и предложили следовать за ними. Я же подумал, что лучше тут же на месте выяснить что к чему, и, собравшись с духом, объяснил знаками, что не хочу отсюда уходить.

После оживленной дискуссии при помощи жестов и выразительных звуков австралийцы, очевидно, согласились, чтобы я остался, но в качестве гарантии, что я никуда не уйду, потребовали мои старые, почти совсем драные носки. Я ответил отказом.

Как они ни топали ногами и ни били кулаками себя в грудь, я стоял на своем. В конце концов они оставили меня в покое и ушли. Я смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду, а потом стал прикидывать, в какую сторону мне податься.

Австралийцы увели меня от моря, и оно не могло мне больше служить ориентиром. Пока я раздумывал, один из австралийцев вернулся. Он принес нечто вроде примитивной корзинки из тростника. В ней лежало немного тех ягод, о которых я уже рассказывал. Австралиец хотел обменять их на один из моих носков, так они ему понравились. Я, однако, не согласился. Пусть

знает, что у меня твердый характер! Увидев, что переговоры ни к чему не приводят, австралиец оставил мне ягоды и побежал догонять товарищей.

Когда можно было предположить, что туземцы ушли достаточно далеко, я бросился бежать в сторону, где, по моим предположениям, находилось море, и, к счастью, без особого труда добрался до него. Идя вдоль берега, я дошел до высокой скалы, о которую с силой разбивались громадные волны. Это было величественное, но очень тоскливое зрелище. Любуясь им со стесненным сердцем, я заметил неподалеку скалистый островок, а на нем каких-то странных животных. В длину они имели четыре-шесть футов, голова их напоминала свиное рыло, ног не было, хвост походил на рыбий, с каждой стороны туловища, покрытого короткий блестящей щетиной, виднелся большой плавник. Я решил, что это морские котики или морские слоны[14].

Приближалась ночь, стало холодно, а у меня не было ни огня, чтобы согреться, ни пищи. Будущее представлялось мне в самых мрачных красках, и я уже начал сожалеть, что расстался с австралийцами. Я вернулся к их хижинам, но там никого не было. Прождав без толку несколько часов, я направился в ту сторону, куда, по-моему, ушли австралийцы, но вскоре понял, что заблудился.

Очень расстроенный, я устроился на ночь в пустом стволе огромного дерева, какие часто встречаются в здешних лесах. Было очень холодно, шел дождь, и с помощью найденной днем тлеющей головешки я развел большой костер. Помню, в ту ночь я глаз не сомкнул. Костер привлек диких собак и опоссумов, они так ужасно выли и шумели, что заснуть было невозможно. Крики опоссумов, напоминавшие плач детей, раздавались то надо мной, то совсем рядом. Естественно, что я с радостью встретил наступающий день и тут же пустился в путь, надеясь набрести на австралийцев, по следу которых, мне казалось, я шел. Но все мои усилия были напрасны, я плутал без толку в лабиринтах незнакомого леса и в конце концов совершенно потерял ориентировку.

Три дня я не ел и не пил, если не считать нескольких пригоршней воды, которые иногда находил в глиняных ямах. Когда я ложился, надеясь заснуть, меня преследовали те же адские звуки, и мой рассудок, не имевший покоя ни на миг, помутился. Думаю, при подобных обстоятельствах даже самый сильный человек не выдержал бы.

Так я продолжал блуждать, питаясь, когда мне везло, сочными кореньями и ягодами, пока не набрел на большое озеро,

изобиловавшее дикими утками, гусями, лебедями и другими птицами. Из озера вытекала речка, несшая свои воды, по-видимому, к морю. Я тут же решил идти по ее течению. Достигнув устья, я увидел тот самый скалистый островок, на котором обитали котики или морские слоны; признаться, я испытал огромное облегчение, когда понял, что снова очутился недалеко от того места, где меня оставили австралийцы. Вскоре я и в самом деле дошел до хижин из дерна — местность ведь была мне уже немного знакома, — свалился как подкошенный и, несмотря на муки голода, тут же заснул.

Утром я, к своей великой радости, нашел немного таких же ягод, какие мне принесли в тростниковой корзине австралийцы, и устроил роскошный пир, а на следующий день отправился к моему шалашу на побережье. Здесь я прожил, очевидно, много месяцев — сколько именно, не могу сказать, — питаясь, как прежде, дарами моря; но со временем они стали попадаться реже — а может, это мне только казалось, — и я все чаще начал задумываться над своим плачевным положением.

Платье мое превратилось в клочья, ботинки износились, здоровье было подточено лишениями, а дух сломлен настолько, что я решил вернуться обратно на корабль — если он еще стоит в заливе — и присоединиться к своим товарищам. Быстро надвигалась зима, погода стала очень холодной и ветреной. Мне с каждым днем было труднее искать между скалами моллюсков, которых по той или иной причине становилось все меньше. И вот я распрощался с моей обителью и двинулся в обратный путь.

Однажды к вечеру дорогу, к моему ужасу, преградил утес, выступавший далеко в море. Наступил прилив, вода быстро прибывала. Мне не оставалось ничего иного, как вскарабкаться на скалу. С трудом взобрался я наверх и обнаружил большую пещеру. Я залез в нее. У меня уже несколько дней не было огня, и питаться мне снова приходилось сырыми моллюсками, которых я подбирал по пути. Только я приступил к своей скудной трапезе, как вдруг обнаружил, что занял жилище обитателей морских глубин, которые могли попасть к себе домой лишь во время прилива. Я пришел в ужас и никак не мог решить, что же мне делать: было уже почти совсем темно, животные плескались чуть ли не у самого входа, покинуть мое убежище — значило почти наверняка погибнуть в пучине. В этот момент я случайно задел ногой камень, он с шумом покатился, животные испугались и, налезая друг на друга, бросились прочь, оставив меня полновластным хозяином пещеры. Тут я провел остаток ночи, а утром побрел дальше[15]. Ослабев от перенесенных невзгод, я мог делать только небольшие переходы; ночи стали очень холодными,

и порой силы и мужество совсем покидали меня. Несколько дней спустя я дошел до реки, которую местные жители называют Дуангоун, и в кустах устроил себе убежище.

Утром я увидел холмик, из которого торчал кусок копья, и догадался, что это могила. Копье я вытащил и взял с собой, чтобы опираться на него при ходьбе.

Через сутки я вышел к реке Карааф. Я был настолько изнурен, что с трудом преодолел сильное течение этой многоводной реки и при этом едва не погиб. Кое-как перебравшись на противоположный берег, я на четвереньках дополз до кустарника и улегся там, не в силах шевельнуть ни ногой, ни рукой, изнемогая от холода и голода. Помню, что я уже не надеялся дожить до утра и горько сожалел о своем опрометчивом поступке, из-за которого попал в беду. Долго я проникновенно молился богу, умоляя его смилостивиться надо мной и не оставлять без помощи и поддержки. Всю ночь страшно выли дикие собаки, словно в ожидании, когда, наконец, они смогут полакомиться моими останками. Я боялся, как бы они не напали, не дожидаясь моей смерти.

На рассвете я опять побрел, стараясь отыскать что-нибудь съедобное, и в конце концов дошел до места, которое австралийцы называют Маамарт. Здесь находится озеро или большая лагуна, окруженная густым кустарником и лесом. Я принялся искать смолу, о которой уже говорил выше, и за этим-то занятием меня застали две местные жительницы. Они долго наблюдали за мной из укрытия, а когда я в полном изнеможении рухнул на землю у подножия большого дерева, они, видя меня в столь беспомощном состоянии, кинулись к своим соплеменникам с известием, что видели большого белого человека. Австралийцы не замедлили явиться к указанному женщинами месту, где и застигли меня врасплох. Схватив мои руки, они принялись бить в грудь попеременно себя и меня, как это делали первые мои знакомые. Затем они помогли мне подняться на ноги и знаками показали, что понимают, как я голоден.

Женщины поддерживали меня под руки, мужчины издавали отвратительные вопли и рвали на себе волосы. Когда мы дошли до хижин, австралийцы вынесли нечто вроде, ведра из сухой коры с кашицей из смолы. Я с жадностью накинулся на еду.

Туземцы называли меня Муррангурк. Потом я узнал, что это имя человека из их племени, который похоронен на том месте, где я нашел кусок копья.

Австралийцы верят, что после смерти попадают в какое-то место, где становятся белыми людьми, а затем возвращаются в этот мир и начинают новое существование. По представлениям

австралийцев, все белые люди до смерти принадлежали к их племени, а потом вернулись к жизни, изменив только цвет кожи. [16] И если туземцы убивают белых людей, то, как правило, лишь потому, что «узнают» в них своих личных врагов или людей из вражеских племен. Я же, по убеждению моих новых знакомых, был их соплеменником, убитым недавно вместе с дочерью в сражении и похороненным под тем самым холмиком, который я видел. То, что в руках я держал остатки копья, утвердило австралийцев в их мнении. Этому-то предрассудку я и был обязан тем, что они отнеслись ко мне с такой добротой.

Вскоре мои хозяева ушли, показав знаками, чтобы я их ждал. Возвратились они с несколькими большими жирными личинками, которые водятся обычно в гнилушках, особенно же между корнями, и предложили их мне. Вкусы мои к этому времени так изменились, что я нашел угощение весьма изысканным.

Ночь я провел с австралийцами, но, не зная их намерений, никак не мог отделаться от тревожных мыслей. Несколько раз я порывался бежать, да где там! Сил совсем не было.

Женщины все время жалобно причитали и выли, раздирая себе лица самым безжалостным образом.

Страх мой все рос, но особенно жутко мне стало утром, когда я разглядел, какой вид бедняжки приобрели за ночь. Они исполосовали себе лица и руки глубокими кровоточащими царапинами, а края их прижгли головешками.

Австралийцы знаками объяснили, что хотят отвести меня к своему племени. Сюда они пришли в поисках смолы. Мне оставалось только согласиться.

Мы прошли несколько миль по равнинной местности, иногда продираясь сквозь кусты, достигли реки Барвон и перебрались через нее. Тут показались на фоне тростника черные головы австралийцев. Мне они напомнили большую стаю ворон. Около ста мужчин пошли нам навстречу, женщины же продолжали выкапывать коренья, которые они употребляют в пищу.

Мои друзья, вернее, мои новые знакомые, с которыми я шел, взяли меня к себе. Их дом, как и все хижины туземцев, представлял собой шалаш из веток, кое-где покрытый кусками чайного дерева или древесной корой. Хозяева предложили мне сесть, но я предпочел стоять, чтобы иметь возможность лучше наблюдать за их действиями.

В это время женщины затеяли за шалашами драку, и все мужчины, за исключением двоих, которые остались со мной, бросились их разнимать. Затем мужчины принесли коренья, поджарили и предложили мне. Драка, наверно, возникла из-за дележа кореньев.

Мое присутствие привлекало всеобщее внимание. Племя в полном составе — и мужчины и женщины — собралось вокруг меня. Некоторые били себя палками по груди и по голове, женщины пучками вырывали волосы.

Я был очень напуган, но австралийцы знаками дали мне понять, что таков обычай и что мне ничто не угрожает. Потом я узнал, что так туземцы выражают свою печаль по поводу чьей-нибудь смерти или долгого отсутствия. Веря, что я возродился из мертвых, они оплакивали муки, которые я испытывал до самого своего возвращения на землю. Но вот туземцы разошлись, оставив меня на попечение двух стражей. Часа три было тихо — все, очевидно, сидели в своих хижинах и ели коренья. Затем снова начался шум. По топоту ног я заключил, что австралийцы бегают из одной хижины в другую, словно готовясь к чему-то важному. На меня, разумеется, снова напал страх. Как знать, что они замышляют?

Когда наступила ночь, юноши и девушки принялись раскладывать большой костер, быть может, чтобы изжарить меня. Согласись, читатель, я вполне мог это предположить, находясь в окружении диких людей. Но как бы то ни было, бежать я все равно не мог, и не только из-за слабости. Страх словно сковал меня по рукам и ногам.

Но вот вышли женщины, причем совершенно голые. Звериные шкуры, обычно прикрывавшие их наготу, они держали в руках. Двое мужчин вынесли меня из хижины, и женщины встали вокруг. Я был уверен, что меня немедленно бросят в огонь, но этого не случилось. Женщины уселись у костра, к ним присоединились мужчины с палицами длиною более чем два фута.

Австралийцы были разрисованы белой глиной, которой много на берегах озера. Белые линии окаймляли глаза, пересекали сверху вниз щеки, спускались со лба к кончику носа или к подбородку, с середины тела сбегали к ногам. Поверьте, австралийцы, столпившиеся ночью вокруг пылающего костра, являли собой жуткое зрелище.

Женщины натянули между коленями звериные шкуры, так что получилось нечто вроде барабанов, в которые они принялись колотить в такт пению мужчины, который сидел впереди. Остальные же мужчины встали, образовав нечто вроде колонны, и тоже отбивали ритм палицами и палками, ударяя ими одна о другую и производя ужасный шум. Тот, кто сидел впереди, по-видимому, был дирижером оркестра или даже церемониймейстером торжества. Он заставлял всю ватагу мужчин и женщин, юношей и девушек маршировать взад и вперед и очень решительно, с властным видом управлял плясками и пением.

Представление продолжалось не меньше трех часов. Под конец австралийцы три раза что-то прокричали, показывая дубинками на небо, затем каждый сердечно потряс мою руку и в знак дружбы ударил себя в грудь. Убедившись, что против меня не замышляют ничего дурного, я успокоился, особенно когда австралийцы разошлись по домам и я остался со своими стражами.

Читатель, бывавший в колониях, сразу поймет, что мне довелось видеть большое *корробори*[17], то есть празднество. Оно было устроено по случаю моего возвращения к жизни. Поужинав кореньями, я улегся рядом с моими новыми друзьями и, несмотря на недавнее волнение, заснул глубоким сном без сновидений о прошлом, настоящем или будущем. Да и что удивительного: голод, жажда и непрестанная тревога подточили мой организм.

Проснувшись утром, я почувствовал себя отдохнувшим. Австралийцы уже давно поднялись. Одни собирали коренья, другие били копьем угрей, и только немногие оставались у хижин.

Я заметил, что одного человека куда-то послали, то ли за какой-то особой едой, то ли к другому племени с поручением, несомненно касающимся меня, — напутствуя своего посланца, австралийцы то и дело показывали в мою сторону.

Несколько дней спустя я уже чувствовал себя как дома и, желая быть полезным, носил воду, собирал дрова или выполнял другую работу. Однажды мне захотелось искупаться в реке. Австралийцы очень скоро заметили мое отсутствие и, решив, что я сбежал или заблудился, бросились на поиски.

Возвратился я в одно время с тем, кого посылали с поручением, как я предполагал, к соседнему племени. С посыльным был молодой человек, по-видимому, он пришел приглашать нас в гости. На следующий день наше племя покинуло берег лагуны и, пройдя по лесу несколько миль, достигло лагеря соседей. Чуть поодаль от них мы на скорую руку поставили шалаши или соорудили заслоны от ветра. Когда мы кончили работу, меня поручили заботам супружеской четы из соседнего племени.

Муж приходился братом убитому, из чьей могилы я вытащил копье, а молодой человек, передавший нам приглашение, был его сыном, а значит, если рассуждать так, как рассуждают австралийцы, моим дражайшим племянником. Смею вас заверить, я вовсе не считал, что как истый дядюшка должен отвечать за поступки родственничка, которого вовсе не рассчитывал встретить в таком месте и при столь странных обстоятельствах.

Одно меня утешало: если он, как это часто бывает среди

молодых людей его возраста в цивилизованных странах, станет повесой, он не сможет транжирить деньги и мне не грозит, что в один прекрасный день я буду вынужден расплачиваться с его портным или по другим счетам… Многие дяди сочли бы себя счастливцами, если бы могли утешаться подобной мыслью.

Ночью опять было большое корроборі, снова австралийцы трясли мне руки и поздравляли с возвращением на землю. Когда церемония закончилась, мои новые родственники отвели меня к себе в хижину и угощали кореньями, смолой и жареным мясом опоссума. Впервые после того, как я расстался с моими товарищами с «Калькутты», я ел мясо, и оно показалось мне чрезвычайно вкусным. Кроме того, хозяева преподнесли мне накидку из шкуры опоссума, а я в обмен подарил моей благоприобретенной невестке свой старый пиджак, хотя к этому времени он уже вовсе не годился для носки. Вряд ли нужно говорить, что пиджак придал женщине необычайную элегантность и что обмен подарками способствовал упрочению наших родственных уз.

Утром меня разбудили шум и крики. Выглянув из шалаша, я увидел, что австралийцы угрожающе размахивают копьями, и решил, что назревает ссора. Тут следует заметить, что копья австралийцев представляют собой весьма грозное оружие. Одни имеют около двенадцати футов в длину и заострены на конце, другие, сделанные из особого тростника, вполовину меньше. К ним прикрепляют наконечники из дерева, обтачиваемые твердыми острыми камнями или раковинами. Кроме того, австралийцы пользуются бумерангом, имеющим форму полумесяца.

Все это хорошо известно тем, кто живет в Австралии, но я тешу себя надеждой, что о моих приключениях прочтут и в других странах: поэтому-то я привожу подробности, которые иначе могли бы показаться излишними.

Хозяева и гости долго петушились друг перед другом, а потом и в самом деле началась драка. Когда мои родственники — для удобства я впредь буду их так называть — убедились, что дело принимает серьезный оборот, они отвели меня в сторону и оттуда стали наблюдать за сражением. Да-да, это было настоящее сражение. Одному человеку пропороли бедро, его унесли в лес и там вытащили копье из раны. Женщина из племени, ставшего мне теперь родным, также была пронзена копьем и тут же умерла. Наконец мир был восстановлен. Все разошлись, за исключением приблизительно двадцати соплеменников убитой женщины. Они разложили большой костер, положили ее тело в огонь и подбросили столько дров, что труп довольно быстро сгорел. Тогда

австралийцы сгребли пепел в кучу, а сверху воткнули палку, которой покойница выкапывала коренья.[18]

После этого все разбрелись в разные стороны. Мои родственники и еще одна семья облюбовали себе местечко в лесу, где мы довольно долго жили без особых происшествий. Питались мы почти исключительно кореньями, которые днем собирали женщины. Иногда мужчинам удавалось выгнать из дупла подгнившего дерева опоссума или убить копьем кенгуру, и они возвращались домой с богатой добычей. Приносили они и *бумера*[19], мясо которого мне очень нравилось.

Уверившись в моей дружбе, австралийцы дали мне копье и деревянный томагавк.

Через несколько недель — впрочем, я уже предупредил, что имел очень смутное представление о времени, — мы покинули насиженное место и присоединились к дружественному племени, насчитывавшему около пятидесяти человек. В этот день состоялось большое корробори. Назавтра мы встретили еще одно племя, и, не знаю уж каким образом, вспыхнула ссора, началась потасовка, и были убиты два мальчика. Тогда я не мог понять, из-за чего возникают распри, но потом выяснил, что причиной всему были женщины. Часто мужчины похищали женщин из другого племени или жены, бросив мужей, уходили к чужакам, что считалось у австралийцев неблаговидным поступком. Когда начинались драки, меня всегда отводили в сторону.

После стычки, о которой я говорил, противники разошлись. Наше племя углубилось в лес, где мы поставили шалаши из коры и веток. Но ночью враги напали на лагерь, и, застигнутые врасплох, мы отступили. Трупы убитых во время дневной драки мальчиков лежали в шалаше. Враги отрубили у них конечности и унесли с собой. То, что осталось от трупов, наши люди сожгли, после чего мы пошли к взморью.

Вскоре к нашим противникам, с которыми шел спор из-за женщин, отправили посыльного с предложением встретиться в определенный день в определенном месте для продолжения боя. Дня через четыре он возвратился с сообщением, что вызов принят; мы двинулись к полю брани, причем я, конечно, и не подозревал, куда и зачем мы идем. Когда мы, пройдя миль двадцать, прибыли на обусловленное место, там нас уже ждало пять племен, готовых к бою. Он немедленно начался и продолжался около трех часов. За это время были убиты три женщины: как это ни странно, женщинам обычно больше всего доставалось в племенных войнах.

Постоянные стычки вызывали у меня тревогу, потому что сражающиеся неизменно показывали в мою сторону, словно

ссоры возникали из-за меня. На этот раз я тоже боялся, что буду принесен в жертву ради восстановления мира.

Наконец драка прекратилась. Люди моего племени подошли к тому месту, где я стоял. Они образовали вокруг меня нечто вроде каре и отвели на поляну, где происходило сражение. Когда мы приблизились, воцарилась торжественнее тишина, взоры всех обратились в мою сторону, и мне снова показалось, что сейчас решается моя судьба.

Мной овладел смертельный страх, и, право же, это не удивительно, если всего лишь за несколько минут до этого я видел, как австралийцы, объятые яростью, убивали женщин и детей.

Немного погодя австралийцы все сразу быстро заговорили, потрясая копьями и делая самые невероятные прыжки. Казалось, ими овладело безумие. Затем они трижды что-то прокричали и начали расходиться по домам. Как видите, я снова отделался испугом.

Утром мы вернулись к своим шалашам, и потекла мирная, спокойная жизнь. Дни проходили без каких-либо событий пока однажды не пришел посыльный от другого племени с предложением встретиться.

После двух-трех дней пути мы прибыли к месту встречи. (Время австралийцы отмечают знаками: наносят на руку мелом штрихи И каждый день один стирают). Нас уже ожидало много австралийцев.

В этот вечер состоялось большое корробори, а утром все в самом радушном настроении отправились охотиться на кенгуру. Это была первая охота, в которой я участвовал, и, естественно, с большим интересом приглядывался ко всему, что происходило вокруг. Став поневоле членом племени, я хотел принимать участие во всех его делах.

Охота на кенгуру требует большой сноровки. Австралийцы рассыпаются цепью и загоняют стадо кенгуру в какой-нибудь тупик, а там без труда разят животных копьями. Мы убили несколько крупных самцов, зажарили вместе с кореньями и устроили большой пир. Наевшись до отвала, австралийцы разрисовали свои тела и лица белой глиной и снова устроили корробори, а затем, как обычно, начали метать копья. Я уже был уверен, что вечер кончится потасовкой, да и женщины, по-видимому, тоже так считали: они попрятались в шалаши, а мои родственники, заботясь обо мне, приняли меры предосторожности — отвели меня в сторону, но ничего серьезного не произошло.

Утром, однако, выяснилось, что племя *путмаару* увело двух

наших женщин или, может, они по своей воле последовали за новыми дружками.

Возникла драка; к счастью, все обошлось без кровопролития. Но обида не была забыта, и племена разошлись только до поры до времени.

Глава III
Я ЛОВЛЮ РЫБУ

Я уже начал немного понимать язык австралийцев, на их обычаи я насмотрелся вдосталь, но что мне оставалось делать? Куда я мог бежать?

Мы присоединились к племени *бенгали* и вместе отправились на его охотничьи угодья — территорию, ограниченную с одной стороны морем, а с другой — рекой Барвон. (Каждое племя имело свой определенный участок, как бы переходивший по наследству из рода в род). Здесь мы поставили шалаши.

Охота была удачной, мы убили множество кенгуру.

Теперь я постоянно питался мясом и чувствовал, как с каждым днем восстанавливаются мои силы, тем более что друзья всегда отдавали мне лучшие куски. Естественно, я испытывал к этим людям чувство глубокой благодарности.

А уж как я был благодарен всевышнему, который охранял меня среди всех передряг и опасностей, об этом и говорить нечего. Раньше я почти не вспоминал о нем — слишком суматошной была моя жизнь, да и никто не наставлял меня на путь истинный. В развеселой компании, в дурном обществе, в которое я попал по своей глупости, в лагере я забыл прекрасные истины, которые мне внушали в детстве добрые старики — дедушка с бабушкой. А вот здесь, в этих диких местах, я, как уже сказал, возносил горячие и искренние молитвы великому творцу вселенной за то, что он простил меня и одарил силой и здоровьем.

Однажды мы убили эму. Это огромная птица — разновидность страуса, — мясо которой необыкновенно вкусно. Летать она не может, но бегает с поразительной быстротой.

Не могу точно сказать, сколько времени мы охотились на берегу моря, очевидно, несколько месяцев. Когда дичи стало мало, мы перекочевали на другое место, где, как обычно, поставили шалаши из коры. По пути нам удалось убить двух больших собак.

Австралийцы перебили кости животным и положили их в огонь, чтобы спалить шерсть. Затем они выпотрошили собак, положили между раскаленными камнями, закрыли корой, сверху засыпали землей и таким образом запекли.

Через два часа жаркое, которое очень ценится австралийцами, было готово. Мне, как обычно, выделили лучшую часть — ногу, но я не смог по достоинству оценить это благодеяние. Понюхав мясо, я с отвращением отвернулся, чем очень насмешил австралийцев. Они несомненно решили, что после того, как я воскрес и стал белым, мой вкус изменился к худшему. Сами они принялись уписывать за обе щеки, знаками предлагая мне присоединиться к трапезе. Кончилось тем, что я поменялся с соседом. Он дал мне за собачью ножку хороший кусок кенгуру, посмеиваясь над тем, как ловко он меня провел.

Хотя мясо диких собак считается у австралийцев деликатесом, щенков они не употребляют в пищу: их приручают для охоты. Кстати, об охоте… Австралиец, убивший животное, редко требует себе при дележе большую долю, но вот если ему второй раз повезет, он получает голову, хвост и лучшую часть филея. Мне же всегда давали часть добычи, даже если я не участвовал в охоте[20].

Австралийцев, видимо, вовсе не удивляло, что я не могу объясняться с ними, — они были уверены, что, став после смерти белым, я поглупел; они, однако, старались научить меня своему языку, радовались, когда мне удавалось правильно произнести фразу или хотя бы слово, и наперебой хвалили меня.

Со временем я стал довольно хорошим охотником, метко бросал копье и неплохо управлялся с томагавком. Австралийцы учили меня всему, что сами умели делать: свежевать кенгуру и опоссумов при помощи острой раковины, точно так, как ножом свежуют овец; растягивать шкуры и сушить на солнце; приготовлять жилы для сшивания шкур; выскабливать их куском кремня. Я научился также копьем разить угрей в озерах и реках. Впрочем, речных угрей мы предпочитали удить на наживку — ею служили крупные земляные черви. Австралийцы привязывали их длинной травой к согнутым дугой кусочкам пружинистой коры, а

те — к длинному пруту. Угорь, схватив приманку, крепко впивался в нее зубами, и тут кусочек коры, распрямляясь, с силой выбрасывал его на берег. Точно так же у нас в Англии ребята ловят раков.

В реках иногда попадались очень большие и вкусные угри. Обычно туземцы рыбачили ночью — тогда угри ловились лучше. Ели их жареными.

В тихие вечера австралийцы учили меня бить копьем лосося, леща и другую крупную рыбу. Они нарезали сухие прутья длиной десять-двенадцать футов, связывали их в пучок и один конец зажигали. Держа в одной руке такой факел, а в другой — копье, австралийцы входили в воду. Рыба устремлялась на свет, и тогда уже нетрудно было колоть ее и вытаскивать на берег. Этот способ — один из многих, применяемых австралийцами, — распространен во всем мире, и мои читатели, наверно, уже слышали о нем.

Рыбу австралийцы запекали, но более тщательно, чем мясо: на горячую золу настилали слой свежей травы, на нее клали рыбу, затем снова следовал слой травы, которую засыпали горячей золой. Рыба пеклась, как в духовке, с той разницей, что в печке, конечно, гораздо чище, Так мы тихо и мирно жили, и вдруг откуда ни возьмись на нас напало большое племя: в нем было не меньше трехсот человек. Мои друзья еще издали разглядели, что по равнине приближаются *ваарентбава,* их злейшие враги. Поднялся переполох. Женщины с детьми скрылись в лесу, мне, ожившему из мертвых, приказали следовать за ними, а мужчины, готовясь к сражению, во, шли в озеро и с ног до головы вымазались глиной.

Тела воинов — среди наступавших я не заметил ни одной женщины — были раскрашены белой и красной глиной. Смею вас заверить: таких уродливых дикарей я еще ни разу не видел.

Вскоре началась битва, посыпался град копий. Один из наших людей вышел вперед, начал плясать, петь и изображать боевые приемы.

Затем все, в том числе и этот воин, присели. На несколько минут воцарилась тишина, пока наш воинственный плясун не вскочил на ноги и не пустился снова в пляс. Тут семь или восемь дикарей — иначе я не могу называть наших противников — тоже поднялись и метнули в него копья, но он ловко уклонялся в сторону или ловил их на лету и переламывал, так что не получил ни одного ранения. Затем враги запустили в него бумеранги, но он и от них без труда увернулся.

Тогда от толпы врагов отделился человек и бросил бумеранг, но ловкач стал на четвереньки, а затем, сразу же вскочив,

отряхнулся, как это делают собаки, выходя из воды. Это вызвало одобрение в лагере противника, оттуда послышались возгласы: «хватит!», и оба австралийца приблизились друг к другу и обнялись, но тут же принялись бить сами себя по головам палицами и били до тех пор, Пока кровь не хлынула ручьями.

Все это было лишь прелюдией к общему сражению, и вот оно началось. В воздухе замелькали копья и бумеранги. Зрелище было устрашающее, вопли и крики вызывали у меня содрогание. Один из моих соплеменников, пронзенный копьем, упал замертво. Его товарищи издали воинственный клич. Женщины сбросили накидки и, вооружившись короткими палицами, бросились на подмогу мужьям и братьям. Только мне было приказано оставаться на месте в обществе моей невестки. Но даже получив пополнение, наше племя продолжало находиться в невыгодном положении: численное превосходство по-прежнему было на стороне противника, и к тому же его войско целиком состояло из мужчин.

Я уже рассказывал в начале книги, что воевал в Голландии и знал поэтому, как бывает на поле брани, когда люди стреляют друг в друга, не жалея пороха и пушечных ядер, но открывшееся моим глазам зрелище было куда страшнее. Противники походили на дьяволов, вырвавшихся из преисподней. И женщины и мужчины яростно бились, обливаясь кровью, причем женщинам не делалось никакого снисхождения. Две были убиты в этом сражении, продолжавшемся без перерыва два часа; к этому времени вааренгбадава отошли на небольшое расстояние, по-видимому, чтобы отдохнуть и собраться с силами.

С обеих сторон забегали взад и вперед посланцы, начались продолжительные переговоры, очевидно, о предмете спора. Между тем приближалась ночь, и мы удалились в свои шалаши. Женщины, не переставая, жалобно причитали над изуродованными останками своих подруг. Вскоре после наступления темноты вааренгбадава ушли. Обнаружив, что враг покинул поле боя, наши решили преследовать его. Женщин и меня оставили около шалашей.

Близ неприятельского лагеря мои соплеменники засели в засаду, выждали, когда стало совсем тихо и большинство вааренгбадава заснули, и напали на них. Трое были убиты, а несколько — тяжело ранены. Враг поспешно бежал, бросив оружие и раненых, которых наши люди добили бумерангами, всякий раз возвещая о своем триумфе троекратными выкриками. Трупы убитых они изуродовали самым зверским образом: в ход были пущены томагавки, которыми отрубили руки и ноги, а также осколки кремня и раковины.

При виде возвращающегося с победой отряда женщины подняли страшный шум и, охваченные экстазом, стали выделывать какие-то дикие пируэты. Словно обезумев от возбуждения, они били палками тела врагов, распростертые на земле. Мужчины сняли с трупов мясо, зажарили его между раскаленными камнями и натерли им с ног до головы детей. Кости они раздробили томагавками и кинули собакам, часть подвесили на дерево, где они стали добычей хищных птиц, круживших над трупами.

Утолив жажду мести, австралийцы принесли тела двух убитых женщин своего племени и похоронили с обычными церемониями. Они выкопали палками две круглые ямы глубиной около четырех футов, устлали дно ветками, завернули в накидки трупы с согнутыми в коленях ногами, опустили их в ямы, а сверху засыпали землей. У могил они расчистили небольшие площадки круглой формы и на каждой разложили костер. Когда огонь прогорел, они сгребли пепел и угли в кучи и воткнули в середину каждой палку, которой покойная выкапывала коренья, точно так же, как в могилы мужчин втыкали копья.

По представлениям австралийцев, копалки и копья понадобятся умершим, когда те возвратятся к жизни, а тлеющие угли дадут им возможность развести огонь и сварить коренья. Поэтому австралийцы оставляют в могиле запасы пищи на несколько дней, а проходя мимо, никогда не забывают снова разжечь костер.

Трупы кладут на бок, то есть в той же позе, в какой большинство австралийцев спят при жизни.

Мы провели около могил остаток дня и всю ночь, а затем перекочевали к другому большому озеру — Явангконтес, расположенному посреди обширной равнины. Берега его были лишены растительности, и мы сложили себе жилье из тростника и камней. Вокруг было так голо, что топливо приходилось собирать мили за три от лагеря. В этом месте мы провели много месяцев, может быть, год или даже два, кто знает, — ведь я потерял счет месяцам и годам.

К тому времени я почти утратил надежду изменить свой образ жизни. Человек, как известно, приспосабливается к самым поразительным изменениям климата и условий, и я стал чуть ли не настоящим дикарем. Факт, достойный удивления. Я ходил почти нагой, терпел едва ли не все лишения, какие только могут выпасть на долю человека, месяц за месяцем, год за годом спал на голой земле, был лишен *всех* удобств и радостей жизни, и тем не менее я продолжал жить и только изредка страдал от временного недомогания. Оглядываясь теперь назад, я никак не могу понять,

чем объяснить это чудо.

Однажды наше племя пригласили в гости на озеро Конгиадгиллок, имеющее в окружности много миль. Один его берег покрыт скалами, на другом простираются обширные равнины, перемежающиеся небольшими перелесками. Примерно в четырех милях от берега лежит островок площадью около двух квадратных миль. В одном месте берег мысом выдается далеко в озеро и подходит очень близко к островку. Чтобы добраться до него, надо было лишь перейти вброд узкую полоску воды, где было не глубже чем по колено. Островок кишел лебедями и другими дикими птицами.

Как только мы пришли на озеро, наши хозяева заявили, что пойдут с нами на остров, а затем устроят большое корробори. Остров был буквально усеян яйцами, так что мы мгновенно наполнили корзины; яйца лежали кучками прямо на земле, гнезд и в помине не было. Наши друзья разрешили нам как гостям первым наполнить корзины и только потом стали сами отбирать яйца. Так продолжалось несколько дней подряд, и каждую ночь мы устраивали корробори. Впервые в Австралии я ел яйца, и они показались мне очень вкусными, особенно после нашей однообразной пищи.

Вдруг, к моему удивлению, радушные хозяева покинули берег озера, причем, по-видимому, в большой спешке. Судя по всему, хозяева и гости не поладили между собой, может быть, в один из дней, когда я не пошел вместе со всеми на остров.

Через какое-то время мы тоже двинулись дальше по берегу озера и дошли до места, где оно очень сильно сужается. Здесь мы убили много лебедей и разделили добычу между семьями по числу членов. Австралийцы едят лебедей жареными, а как они жарят мясо, я уже рассказывал.

На следующий день женщины удалились и разрисовали себя с ног до головы белой глиной. Мужчины воспользовались для этой же цели красной глиной. Их единственное одеяние составляли перья эму, прикрепленные у пояса.

Женщины сначала выступали в роли музыкантов — сидя на корточках, они били палками по натянутым между коленями накидкам, а затем пустились в пляс. Мужчины же оставались зрителями и только подбадривали танцующих криком. Веселье закончилось, как обычно, потасовкой. Дрались, никому не давая спуска, палицами.

Потом я понял, что ссора возникла из-за того, что мужчина из дружественного племени похитил нашу девушку. Оба они присутствовали на празднике, и женщины решили проучить изменницу за то, что она не вернулась к родным. В свалке ее

тяжелым ударом повалили на землю. Увидев это, мужчины тоже начали готовиться в бою. Кто-то бросил в толпу женщин бумеранг, и они разбежались. Похититель девушки вышел вперед и заявил, что мстить следует ему. Он начал петь, прыгать и плясать, и тогда в круг выступил отец девушки. Некоторое время противники стояли неподвижно. Тут отца со всех сторон принялись уговаривать, чтобы он оставил девушку похитителю, так как человек, которому она была предназначена, недостоин ее. Кончилось тем, что девушка возвратилась к отцу. Ей было лет пятнадцать, и не такая уж она была красавица, чтобы из-за нее стоило драться.

Затем мы, сделав миль сорок, достигли места, которое австралийцы называют Киронамаат. Оно находится недалеко от озера, имеющего в окружности около десяти миль. Дорога заняла несколько дней, так как в пути мы все время охотились. Лагерь мы разбили около ручья — в озере вода имела солоноватый привкус, — за которым простиралась равнина. Из полосок коры мы смастерили сети и ловили ими креветок.

Здесь мы спокойно и сытно жили много месяцев, а затем направились к берегам другого озера по названию Мудеварри. Его пресные воды изобиловали угрями. Мы их ловили в большом количестве.

В этом озере, как и в большинстве других водоемов расположенных в глубине материка, водилось удивительное земноводное. Австралийцы называли его *буньип.* Мне случалось видеть лишь его спину, покрытую, как мне казалось, темно-серыми перьями. По величине оно как будто не уступало взрослому теленку, а некоторые экземпляры были даже больше. Чудовище появлялось только при ясной погоде, когда поверхность воды совершенно спокойна. Я не слышал, чтобы кто-нибудь из австралийцев рассказывал, что видел голову или хвост этого животного, а потому не могу с уверенностью ничего сказать ни о его величине, ни о внешнем виде[21].

Однажды к нам явился *бихар,* то есть посланец. На руках его красной глиной были сделаны отметки, указывающие, сколько дней он провел в пути. Он предложил нам сделать визит его племени, чтобы обменять угрей на коренья. Племя его находилось в Бермонго, на реке Барвон, до которой было четырнадцать дней пути.

Мы сложили угрей в шкуры кенгуру и пошли в Бермонго, где застали около восьмидесяти мужчин, женщин и детей. Обмен производился так: двое людей из каждого племени на огромных кусках коры на головах носили взад и вперед угрей и коренья, пока все припасы не переменили владельцев.

Вечером состоялось большое корробори, а на следующее утро произошла драка из-за того, что одна женщина бросила мужа и сбежала к мужчине из другого племени. В драке ее тяжело ранили копьем. Вскоре мы распрощались с обитателями Бермонго, условившись встретиться снова для обмена съестными припасами.

Мы перекочевали в Беангала и оставались там несколько месяцев, пока не настало время снова идти менять нашу провизию на коренья. На этот раз, однако, мы взяли мясо кенгуру и пошли в Либлиб, место на берегу большого мелководного озера, окруженного тростником, которое австралийцы называют Бангебалла. Здесь я стал свидетелем страшной бури с градом, какой, наверно, еще не видели люди. Градины были такие большие, что при падении обдирали кору с деревьев.

Я теперь настолько освоился с языком австралийцев, что, общаясь с различными племенами, смог со временем узнать кое-что о судьбе моих бывших товарищей. По-видимому, один из них вскоре отделился от группы. Он встретился с австралийцами, был радушно принят ими; но спустя какое-то время дал им повод для ревности, разрешая себе вольности в обращении с прекрасным полом, и они убили его. Об остальных я ничего не слыхал до отъезда на землю-Ван Димена[22]

Глава IV
СТАРИК, ЖИВУЩИЙ НА КРАЮ ЗЕМЛИ

Подготовка к вступлению в брак не сопряжена у австралийцев со сложными церемониями. Жених прежде всего должен заручиться согласием родителей своей избранницы, доказав, что он умеет драться и охотиться, иными словами, в состоянии защитить свою семью и позаботиться о ней. Что касается числа жен у такого молодца, то австралийцы на этот счет не очень-то строги; случается поэтому, что у одних пять-шесть жен, а у других ни одной. Претендент на руку девушки, у которой есть взрослый брат, должен в обмен отдать ему свою сестру — если, конечно, она у него имеется.

Вступать в брак с родственниками, даже очень отдаленными, не принято.

Если женщина забеременеет не от мужа, она покрывает себя позором, и новорожденного почти наверняка ждет смерть. Если семья увеличивается слишком быстро, например женщина рожает каждый год, племя держит совет, следует ли младенца оставить в живых; но решающее слово принадлежит отцу: по его просьбе ребенка могут помиловать, особенно если это девочка.

Рожают австралийки без посторонней помощи. Новорожденного заворачивают в шкуры и, если это время перекочевки, тут же двигаются дальше; питается младенец только грудным молоком.

Имя ему дают в честь какого-нибудь события или по отличительным признакам местности, где он родился, — озера или реки. При этом вся семья получает новые имена и носит их до рождения следующего ребенка.

Из того, что я уже сказал, ясно, что ревность — главная причина ссор австралийцев, ибо и мужчины и женщины равно находятся во власти «чудовища с зелеными глазами». Но бедняжкам-женам всегда достается больше; после кровопролитных сражений каждый супруг обычно считает своим долгом в спокойной обстановке как следует поучить свою половину.

Со временем я понял, что племена встречаются не только для обмена продуктов. Им надо было «выводить в свет» своих прелестниц, чтобы кавалеры видели их, знали и добивались их руки. К сожалению, этот вполне естественный процесс сопровождался таким диким взрывом страстей, что его следствием обязательно были тяжелые раны, и отнюдь не только сердечные.

Некоторые обиды австралийцы не забывали и не успокаивались, пока им не удавалось смыть их кровью.

До того как мы покинули Либлиб произошла еще одна драка, имевшая весьма неприятные последствия: когда люди враждебного племени снялись с места, один из наших последовал за ними, прокрался в шалаш человека, который когда-то обещал ему в жены свою дочь, а потом отдал ее другому, и, в то время как тот мирно спал рядом со своей женой, с такой силой пронзил его копьем, что пригвоздил к земле.

Удовлетворив таким образом жажду мести, он возвратился к нам и похвастался своим подвигом. Тогда его родственники и особенно близкие друзья, по-видимому, опасаясь нападения, не мешкая снялись с места. Те же, что остались, в том числе и я, на следующее утро отправились к сородичам убитого. Они как раз готовились привязать к дереву завернутый в шкуры труп.[23]. Так австралийцы хоронили умерших, которые при жизни не были им врагами. Этот способ погребения ранее был мне неизвестен.

Австралийцы выбрали большое, хотя и не очень пышное дерево и на высоте приблизительно двенадцати футов устроили настил из бревен, веток и коры. На настил они положили труп лицом вверх, с наклоном к западу, и, чтобы защитить его от хищных птиц, прикрыли сначала ветками и корой, а затем бревнами, какие только могло выдержать дерево.

В это время женщины вместе с вдовой убитого, сидя вокруг дерева, горестно оплакивали умершего. Их жалобные стоны разрывали сердце. Около этой необычной могилы австралийцы,

как всегда, разложили костры, особенно к западу от нее, чтобы утром покойник был согрет не только лучами восходящего солнца, но и пламенем костра. Когда все было готово, австралийцы произнесли одно-единственное слово: «анимадиате». Это означало, что убитый ушел, но не навсегда, и станет теперь белым человеком.

Он был, по-видимому, общим любимцем, потому что все долго и искренне оплакивали его. В знак траура и мужчины и женщины острыми раковинами обрезали себе волосы, разрисовали тела глиной и всю ночь жалобно причитали. Их неподдельное горе очень растрогало меня, тем более, что бедные создания лишены утешения и надежды, которые дает христианская вера.

Меня глодала тоска, я очень страдал морально, особенно от этих сцен, которые повторялись чуть ли не каждый месяц, и снова решил бежать. Но мои опекуны или, как я их называю, родственники все время твердили, что, поскольку я вернулся из мертвых, мне ничто не угрожает.

На следующий день мы по-дружески распрощались с соплеменниками покойного и, догнав своих, все вместе пересекли реку Барвон. Остановились мы в Биарху. Здесь разгорелись жаркие споры по поводу убийства, и мне порой казалось, что убийце несдобровать. Наконец мы двинулись дальше и разбили лагерь в приморской местности Годокут. Шалаши поставили на возвышенности, откуда открывался широкий обзор, так что никто не мог приблизиться к нам незамеченным. По-видимому, мои друзья опасались мести и решили быть начеку.

В Годокуте, однако, нечего было есть, кроме моллюсков, и мы продвинулись миль на восемь в глубь материка. Нам пришлось пробираться сквозь очень густые заросли кустарника, что причиняло мне невыносимые страдания. Мои штаны давно превратились в клочья, и единственной защитой от колючек служила накидка из шкур. Несколько дней мы провели около двух пресноводных ручьев, выкапывая коренья и охотясь на опоссумов.

Отсюда мы направились в Палак-Палак, место среди широкой равнины с разбросанными на ней там и сям одиночными деревьями, изобиловавшее животными и рыбой. Здесь мы провели несколько месяцев. Мои родственники все еще опасались за свою жизнь и днем и ночью выставляли часовых, чтобы не быть застигнутыми врасплох. Однажды часовые заметили многочисленное племя, которое пересекало равнину по направлению к нам. Мы мгновенно спрятались и всю ночь просидели в укрытии, изнемогая от голода, — австралийцы ведь

почти никогда не делают запасов. Утром мы отправили нескольких смельчаков на разведку, они не вернулись даже ночью, и всех охватила тревога. На следующий день они наконец явились и сообщили радостную весть: племя, которое мы видели, дружественное и стоит в тринадцати милях от нас. Разведчики принесли несколько тлеющих головешек — в панике мы так быстро бросились бежать, что забыли запастись ими, — и теперь мы снова могли варить пищу.

Вскоре к нам пришел человек из этого племени: в лагуне, близ которой оно расположилось, обнаружилась масса угрей, и нас пригласили полакомиться ими. Такие приглашения обычны среди дружественных племен, поэтому мы без колебаний согласились и в тот же день присоединились к друзьям[24].

Теперь, когда нас стало много, мы уже не боялись нападения. Впрочем, впоследствии выяснилось, что наши опасения были напрасны: родственники убитого и не помышляли о мести.

Мы находились в превосходном месте, изобиловавшем едой, ничто не угрожало нашей безопасности, если не считать, разумеется, возникавших периодически ссор между своими, и на время воцарился покой. Благодаря этому я с каждым днем все лучше узнавал язык и обычаи австралийцев. Расскажу о некоторых из них, это оживит мою повесть.

Австралийцы, населяющие часть побережья Новой Голландии вокруг Порт-Филиппа, известную ныне под названием колония Виктория, как правило, люди среднего роста, с темным цветом кожи и волос, хотя они светлее жителей более теплых широт. Красавцами их, конечно, не назовешь, но многие были бы довольно миловидны, если бы не уродовали себя тем, что покрывали волосы, лицо и тело белой глиной и охрой. Волосы у них не вьющиеся, как у африканцев, а прямые[25] и имеют крайне неряшливый вид. Впечатление такое, что каждый волос растет в другую от собрата сторону и стремится отделиться от головы. Возможно, это и в самом деле так, ибо австралийцы отвратительно обращаются со своими волосами. Они самым безжалостным образом режут и кромсают их раковинами и осколками кремня. В их прическах находят себе пристанище живые мучители, называть которых не позволяют приличия.

В еде австралийцы не особенно разборчивы. Они употребляют в пищу всех животных, рыб, птиц, насекомых и пресмыкающихся, даже ядовитых, лишь бы побольше.

Они не имеют представления о Высшем Существе, хотя верят в потустороннюю жизнь, и не молятся даже Луне или Солнцу, как принято у других нецивилизованных народов. По их понятиям, земля покоится на столбах, которые оберегает человек, живущий

на краю земли.

Однажды среди племен пронесся тревожный слух, будто надо послать старику запас томагавков, чтобы он мог нарубить новые столбы и новыми веревками покрепче привязать землю, иначе она упадет и все погибнут. Объятые страхом, австралийцы прикидывали, где находятся самые высокие горы и как до них добраться, чтобы на вершинах спастись от грозной опасности. Одновременно они позаботились о том, чтобы собрать все нужное.

Весть о предстоящем несчастье достигла прибрежных племен, и у некоторых колонистов, живших очень далеко от нас, стали пропадать пилы, топоры, канаты, тележные колеса. Эти предметы передавались от племени к племени и в конце концов, по-видимому, своевременно попали к старому джентльмену на краю земли, ибо катастрофа не произошла.

Дань такого рода собирали не раз. Но вот кто тот мошенник, который ее присваивал, мне выяснить не удалось. Впрочем, этот трюк ничем не отличается от махинации, широко распространенных в христианских странах. Но так как я не собираюсь подробнее на них останавливаться, пойдем дальше.

О том как у австралийцев появился огонь, они рассказывают такую легенду: одна женщина искала, мол, в муравейнике яйца. Мимо летел ворон, выронил из клюва сухую траву, та вспыхнула, а от нее занялось дерево.

Поэтому австралийцы очень чтут *ваакее*[26] и убивают его лишь когда уж совсем нечего есть.

Теперь расскажу о боевом и охотничьем оружии австралийцев, а затем вернусь к описанию моей жизни среди них день за днем.

Копье имеет в длину от десяти до пятнадцати футов, сделано оно из цельного куска дерева твердой породы, заканчивается острием или несколькими зубцами. Такое зазубренное копье — *карнвелл* — нелегко вытащить из тела человека или зверя.

Даар — охотничье копье меньшего размера. Его делают из двух кусков дерева, соединяемых жилами кенгуру. По сторонам его очень хорошо отточенного острия прикреплены при помощи смолы осколки белого кремня. Австралийцы бросают даар на большие расстояния с огромной силой и, как правило, попадают в цель, даже если это кенгуру, который мчится во весь дух в пятидесяти шагах от охотника.

Австралийцы пользуются, но преимущественно для военных целей, копьем еще одного вида, достигающим в длину семи футов. Оно имеет стержень из очень сухого дерева, вставленный в крепкую тростниковую трубку и также привязанный к ней

сухожилиями кенгуру.

Кроме копий распространен *марриван.* имеющий на более узком конце крючок[27]. Есть также бумеранг, или *вангаам,* в форме полумесяца, который изготовляется из твердого дерева. Держа бумеранг за один конец, туземцы с силой бросают его, заставляя на лету вращаться, в своего противника.

Из оружия ближнего боя австралийцы располагают *вадди,* или *коор*, дубинкой, очень похожей на нашу биту для крикета, и *джеангвелл.* Последний представляет собой изогнутую под прямым углом палицу с шарообразной ручкой на конце. От ударов коор и копий австралийцы с большой изворотливостью прикрываются широким щитом — *малка* — из одного куска дерева длиной около трех футов, суживающимся кверху и книзу, с прорезями для рук.[28]

Теперь с разрешения читателя я возвращусь на равнину, где мы много месяцев наслаждались покоем и обилием еды. Конечно, мы не сидели на одном месте, а передвигались в пределах равнины, как того требовала охота, а то и просто ради удовольствия.

Но в конце концов однообразная пища надоела, и мы перекочевали, насколько я помню, на двадцать миль, в лес. Там есть такое место — Бурдек, где водились опоссумы. Зять[29] научил меня узнавать, сидит ли животное на дереве, и сбрасывать его вниз. Прежде всего он изо всех сил дул на ствол дерева: если по нему взбирался опоссум, над корой вздымались оставленные им щетинки. Обнаружив их, зять томагавком делал на стволе зарубку, вставлял в нее большой палец ноги и, зажав томагавк во рту, подтягивался на руках. Затем снова делал зарубку — и так он взбирался на вершину даже самых высоких деревьев. Там он засовывал руку в дупло, хватал опоссума за хвост и за лапы и сбрасывал к подножию дерева, где стоял я. Мое дело было прикончить животное. В этом я достиг известного совершенства, и зять частенько кричал сверху: «Ловко сделано».

Мы жили на равнине припеваючи — опоссумов было много, да и коренья тут росли превосходные. В жареном виде они имели сладковатый привкус, напоминавший мне каштаны, а по белизне не уступали муке.

Следующая наша стоянка была в Марриокке, изобиловавшем белками[30]. Едва мы успели поставить шалаши, как большинство мужчин отправились далеко на охоту. С женщинами и детьми оставались кроме меня еще человек шесть мужчин.

Перед уходом охотники, следуя обычаю, нанесли на руки штрихи, чтобы по ним определять, сколько дней они будут отсутствовать; то же самое сделал один из тех, кто оставался в

лагере.

Стирая каждый день штрих, он будет знать, сколько прошло времени.

Только наши охотники ушли, как поблизости поставило шалаши какое-то племя. Чужаки не скрывали своей враждебности и дошли до того, что убили копьем мальчика и девочку. Это послужило поводом к драке, которая продолжалась около часа. Убедившись, что мы не так беззащитны, как им казалось, противники отступили. Мы же послали к охотникам гонца с вестью о том, что произошло. Те немедленно вернулись и устроили военный совет, чтобы решить, стоит ли преследовать неприятеля. В результате начались энергичные военные приготовления: мужчины разрисовывали свои тела белой глиной и приводили оружие в порядок.

Причиной нападения на нас была, по-видимому, очень старая вражда из-за женщин. Как это ни грустно, я должен признать, что все зло шло от этих прелестниц. Впрочем, начиная со времен Адама так оно было, есть и будет, так почему же очаровательные австралийские Венеры, едва прикрывающие свою наготу, должны составлять исключение из правила? Будь я на их месте, я бы этого тоже не допустил[31].

Утром мои сородичи, вооруженные до зубов, выступили в поход, кипя от негодования при мысли о том, что трусливые враги вероломно напали на женщин и детей; те, кто остался в лагере, похоронили убитых. Через два дня карательная экспедиция вернулась. Несколько человек были тяжело ранены, но это не могло омрачить общую радость по поводу того, что месть свершилась и двое врагов убиты.

Затем мы отправились в Баллакиллок. Там мы застали племя, которое уже несколько дней жило в шалашах из коры и веток. Сначала у нас были очень хорошие отношения, но дело не обошлось без драки, в которой копьем пропороли бедро двадцатилетней женщине из нашего племени, без разрешения родителей бежавшей из отчего дома с чужаком.

Как только потасовка прекратилась и стало тихо, мужчины пошли на озеро ловить рыбу, а женщины занялись своими обычными делами, оставив раненую в шалаше. Воспользовавшись этим, соблазнитель вторично похитил девушку. Обнаружив это спустя несколько часов, племя поклялось отомстить беглецам.

Примерно через неделю мы снялись с места и некоторое время шли почти без отдыха, останавливаясь только на ночь. По пути мы охотились на белок и опоссумов, их шкуры очень высоко ценятся австралийцами.

Есть еще одно животное, мясо которого австралийцы

употребляют в пищу, — *карбор*[32]. Ростом он не больше собаки, туловище у него короткое и толстое, голова непропорционально большая, лапы очень короткие и вооружены когтями, прикрытыми густой вьющейся шерстью светло-коричневого цвета. Карбор живет на ветках высоких деревьев. Только ночью он спускается на землю и ест траву и коренья, составляющие его основную пищу. Будучи раненым, карбор издает душераздирающие вопли, напоминающие плач обиженного ребенка. Точно так же он кричит по ночам, и во время моих одиноких странствий его стенания часто не давали мне заснуть. Карбор — совершенно безобидное существо, легко поддающееся приручению. Его мясо очень вкусно и похоже на свинину. Детенышей карбор носит в сумке под брюхом, совершенно так же, как кенгуру. Несмотря на кажущуюся неуклюжесть, он очень подвижен и не хуже белки прыгает с ветки на ветку.

Наш путь лежал в Монваке. Там у небольшого ручья, впадающего в Барвон, мы должны были встретиться с другим племенем, но, придя на место, обнаружили, что никого нет, и отправили вперед посланца оповестить о своем приближении. Наконец нам удалось отыскать это многочисленное племя. В момент нашего появления его люди были заняты тем, что разрисовывали себя глиной, готовясь, очевидно, к какому-то важному событию. Мои родичи тут же последовали их примеру, беснуясь при этом так, словно они обезумели. К вечеру появилось еще одно племя. Впереди шагал юноша, похитивший нашу девушку, а уже за ним тесной толпой следовали остальные. Увидев это, я сразу понял, что драки не миновать.

Пришельцы уселись на свои накидки группами по пять-шесть человек, держа в руках наготове копья, щиты и вадди. Затем вперед выступил похититель нашей девушки. К его телу в нескольких местах нитью из скрученной шерсти опоссума были привязаны пучки перьев эму. Он начал выделывать замысловатые прыжки, вызывая наших мужчин на бой. Вызов, очевидно, был принят — кто-то метнул бумеранг, который задел ногу юноши. Вслед за тем из наших рядов было брошено копье, но юноша ловко прикрылся от него щитом. Он и после этого продолжал прыгать и вертеться, пока один из наших людей не приблизился к нему со щитом и вадди. Вот тут-то дело приняло серьезный оборот!

Удар следовал за ударом, и наконец щит заносчивого юноши разлетелся на куски и ему оставалось защищаться только вадди. Противник, воспользовавшись своим преимуществом, сокрушительным ударом по голове сбил его на землю. Юноша моментально вскочил, хотя кровь ручьями текла по плечам и

спине, но его друзья закричали «довольно!» и пригрозили, что все вступят в драку, если раненого не оставят в покое. Угроза подействовала, и вскоре все разошлись. Так кончилось это дело, которое, казалось, могло иметь куда более серьезные последствия.

На следующий день мы переселились к довольно большому пресноводному озеру и разбили поблизости от него лагерь, хотя, может быть, не совсем там, где бы нам хотелось, потому что мы заметили на противоположном берегу незнакомое племя. Ночью с той стороны до нас доносился сильный шум. Когда рассвело, выяснилось, что спящие подверглись нападению, и мы поспешили на помощь пострадавшим.

Страшное зрелище предстало нашим глазам: вокруг лежали женщины и дети, раненные и искалеченные. Некоторые несчастные пытались найти спасение в озере и утонули. Только немногим удалось спрятаться в камышах… Мы предложили им помощь и защиту, и они отправились к нашим шалашам.

Убитых мы не стали хоронить, чтобы не терять времени даром: нас было мало, а враг мог нагрянуть в любой момент. Поэтому мы покинули озеро и возвратились в Мудеварри, где провели несколько месяцев.

Пока наше племя стоит на одном месте, мне, пожалуй, пора рассказать о быте австралийцев.

Итак, племена разделены на семьи, вернее говоря, состоят из семей[33]. Племя насчитывает от двадцати до шестидесяти семей. У них нет вождя, который властвовал бы над всеми, но хороший охотник, приносящий наибольшую пользу своим соплеменникам, пользуется всеобщим уважением и может иметь больше жен, чем другие мужчины.

Австралийцы стараются хранить в памяти свою родословную и, как я уже говорил, избегают жениться на родственницах, за одним исключением: каждый вправе взять себе в жены вдову или вдов своего покойного брата. Если женщина сопротивляется, ей почти неизбежно угрожает смерть, так неукоснительно соблюдается этот закон[34].

Австралийцы очень добры к детям, но ребенка, считающегося незаконнорожденным, убивают без всякого сожаления. Такая же участь ждет первенца женщины, которая была обещана в жены одному, а досталась другому. Если бы не эти бесчеловечные обычаи, племена были бы гораздо многочисленнее.

Как только малыши делают первые шаги, они, словно подчиняясь инстинкту, начинают искать еду. В четыре-пять лет они уже умеют копать коренья и могут обходиться без помощи родителей, которым не приходится заботиться о том, чтобы их

отпрыски были одеты, обуты, умыты, причесаны и так далее. Дети бегают голые и, когда резвятся на берегу моря или реки, издали напоминают стадо дельфинов, которые нежатся под лучами солнца.

Австралийцы питают непреодолимое отвращение к уродам от рождения. Я видел, как одному такому младенцу размозжили голову, а его родного брата заставили съесть деформированные останки. Этот акт каннибализма мне объяснили так: во время беременности женщиной при определенном положении луны овладело безумие. Луна повлияла и на ребенка, поэтому он родился уродом. Ясно, что при таких обстоятельствах отец имеет право отказаться от отцовства. А мальчика заставили съесть тельце новорожденного, чтобы на него не напал какой-нибудь недуг.[35]

Глава V
СНОВА ОДИН

Теперь давайте вернемся на Мудеварри, причем в тот самый момент, когда к нам присоединилось еще одно племя и возник спор из-за женщины. Ее похитили у мужа и, к моему великому неудовольствию, привели в шалаш, где я жил. Я был очень расстроен, так как предвидел серьезные осложнения, и оказался прав. Заметив отсутствие своей жены, одураченный муж решил отомстить. Когда мы все спали, он прокрался в наш шалаш и копьем пригвоздил к земле соперника. Разбуженный шумом, я поднял крик, но злодей исчез вместе со своей женой. Я с братом раненого пытался вытащить из его тела копье, но оно имело на конце зубец и не поддавалось нашим усилиям. Наконец одной женщине удалось вытащить его, но, хотя были приняты все меры, чтобы спасти несчастного, несколько часов спустя он скончался.

Назавтра его похоронили на дереве. Мать страшно стенала и головешкой нанесла себе во многих местах ожоги.

Мужчины бросились на поиски убийцы, но незадолго до наступления темноты вернулись ни с чем.

Вскоре после этого мы снялись с места, отправились на охоту и случайно столкнулись с племенем, к которому принадлежал убийца. Началось кровавое побоище. Как обычно, когда австралийцы не в состоянии наказать самих виновников преступления, они обрушиваются на их родных. Поймав четырехлетнего сына убийцы, мстители проломили ему череп, а затем уложили на месте брата убийцы, его матери пропороли

копьем бедро и ранили еще несколько человек.

Самому убийце, однако, удалось ускользнуть от кары, и он, пробравшись ночью с товарищами в шалаш человека, который убил его брата, заколол того копьем, срезал с костей мясо, насадил на копье и с триумфом отнес к себе.

Весь следующий день и всю ночь люди этого племени танцевали и пели, празднуя страшную победу. Мясо своего врага они изжарили между камнями и часть съели. В том, что это действительно было так, у меня нет ни малейших сомнений. Я собственными глазами видел, как австралийцы наслаждались страшным пиршеством. Они и меня приглашали принять в нем участие, но я, конечно, отказался, испытывая величайшее отвращение.

Австралийцы спасли меня от голодной смерти, и в благодарность за это мне, конечно, очень хотелось бы оградить их от упреков в каннибализме, но я не могу погрешить против истины и вынужден признать, что при определенных обстоятельствах многие жители этой части Новой Голландии едят человечье мясо.

Во время дикой трапезы австралийцы похвалялись тем, что таким же образом поступят со всеми соплеменниками убийцы.

Мы снова отправились в путь, останавливаясь то тут, то там, присоединяясь то к одному племени, то к другому. Так мы кочевали без особых происшествий и однажды поставили шалаши на берегу озера или залива под длинным названием Кудгингмурра (так австралийцы окрестили растущие здесь коренья).

Вскоре у нас появились соседи, и, конечно, спустя несколько дней завязалась драка, как всегда, из-за женщин. В этом сражении я едва не был убит бумерангом, который расщепил мой щит на две части, правда, бумеранг предназначался моему зятю, а не мне, и австралийца, который его метнул, жестоко наказали, несмотря на мое вмешательство, хотя он и без того очень огорчился. Бумеранг задел мою руку, и рана, хоть и небольшая, довольно сильно кровоточила.

Это так разжалобило женщин, что они плакали, пока жилами опоссума привязывали к ране кусочек шкуры, оторванный от накидки.

На рассвете мы перебрались на другую сторону озера и там провели много месяцев.

Пока наше племя стоит на одном месте, я воспользуюсь передышкой и расскажу еще кое-что об обычаях моих австралийских друзей.

Все они чрезвычайно любят музыку, если производимый ими

шум можно назвать музыкой. Единственный их музыкальный инструмент — накидка из шкур, натянутая между коленями. Один барабанит по ней, а остальные отбивают ритм палками. Австралийцы настолько одержимы этой «музыкой», что нередко какая-нибудь семья ночью затевает концерт, к ней присоединяется вторая, третья, наконец, все племя заражается весельем, которое не прекращается до самого утра. Сколько раз я от всей души желал, чтобы они вместе со своими инструментами очутились на другом конце континента, там, где старый кудесник присматривает за столбами, на которых держится земля.

К воде австралийцы относятся с пренебрежением и купаются только летом, в жару. Они целиком находятся во власти природы и даже пальцем не желают пошевелить, чтобы выйти из подчинения ей.

О парикмахерах и сапожниках, портных и швеях, как догадывается читатель, австралийские дамы и джентльмены имеют примерно такое же представление, какое было у Адама и Евы. Зато они усердно разрисовывают свои тела самыми причудливыми узорами.

Бреются австралийцы далеко не самым приятным способом, выжигая бороду или соскребая ее раковиной моллюска. Они не выносят седых волос и выщипывают их из головы и из бороды, пока это единоборство со старостью не становится безнадежным.

Австралийцы, особенно женщины, очень любят украшения и проявляют в этом большой вкус. На голове они носят нечто вроде сеток, наподобие наших вязаных сумочек, которые плетут из сухой травы или расщепленного на несколько частей тростника, без помощи крючка или иного приспособления. Несмотря на это, сетки по качеству вязки не уступают изделиям наших лучших мастериц, а по изяществу могут сравниться с индийскими поделками, но гораздо прочнее их. Сетка заканчивается с двух сторон шнурками, окрашенными охрой, которые обвязываются вокруг лба.

Глядя на головные уборы австралийцев, трудно поверить, что они вышли из рук нецивилизованных людей.

На шее австралийцы носят нитки с нанизанными на них осколками раковин, зубами, перьями — лебяжьими и эму (крупные перья для большей эластичности разрезают пополам).

Многие женщины вдевают в ноздри кольца из костей птиц, а мужчины втыкают небольшие прямые косточки с утолщением на конце. Чем больше на человеке украшений, тем привлекательнее и элегантнее он считается.

Вернемся, однако, к нашему племени. Мы жили на озере до весны, питаясь преимущественно большими муравьями *калкит,*

которые гнездятся в дуплах деревьев.

Для того чтобы обнаружить насекомых, австралиец ударяет по стволу дерева томагавком. Муравьи, привлеченные шумом, выползают наружу. Тогда австралиец расширяет отверстие дупла настолько, чтобы можно было засунуть туда руку и набрать муравьев, которых он складывает в корзину. Их поджаривают на куске коры длиной три и шириной один фут. Вкусом они напоминают костный мозг.

Муравьями можно питаться только один месяц в году. Затем они превращаются в больших мух и гибнут или снова меняют свое обличье.

Как только муравьиный сезон закончился, мы покинули озеро. Но, прежде чем мы двинемся следом за нашим племенем, я хочу рассказать вам о томагавке, очень важном орудии, бесспорно заслуживающем того, чтобы я уделил ему внимание.

Корпус томагавка австралийцы вырубают из очень твердого черного камня, не обращая особого внимания на форму. Затем его шлифуют гранитом, пока не получается тонкий острый край, настолько острый, что он позволяет валить даже самые большие деревья. Топор весит от четырех до четырнадцати фунтов. Топорищем ему служит толстый кусок дерева, расщепленный вдоль, перегнутый вдвое и скрепленный обработанной по особому способу смолой и сухожилиями.

Насколько мне известно, черный камень, обладающий одновременно и твердостью и способностью раскалываться на куски, можно найти в этом краю только в одной местности, которую австралийцы называют Каркин. Находится она, судя по их словам, миль за триста от берега моря и населена дикими неприветливыми племенами. Путешествие туда сопряжено поэтому с большими опасностями и трудностями и под стать только отряду отважных воинов.

Не удивительно, что томагавк считается большой ценностью.

Теперь вернемся к нашему племени. Мы получили приглашение прийти на берег реки Бунеавиллок. Австралийцы окрестили ее так по названию породы угрей, которыми она изобилует. Вода в реке стояла высоко, так что мы не смогли переправиться на противоположный берег, где виднелись шалаши наших друзей. Во многих местах над поверхностью реки возвышались скалы, а между ними на мелководье скользили взад и вперед угри. Их было такое множество, что мы ловили их десятками. И неглупая вроде рыба угорь, а к нам сама в руки шла. При еле уловимом шорохе рыбки стремглав кидались в глубь реки, но стоило нам зажечь факелы, как они всплывали наверх и мы без малейших усилий вытаскивали их из воды.

Когда полноводье спало — оно было вызвано продолжительными частыми ливнями, — мы перешли реку и устроились рядом с «хозяевами». Скоро к нам присоединилось третье племя, насчитывавшее около ста мужчин, женщин и детей, но угрей хватало на всех. Особенно много было некрупных рыбок с голубоватой спинкой и белым брюшком — австралийцы называют их *мордонг* — и *бабаниен* — чуть побольше, с коричневой спинкой.

Через несколько дней после появления третьего по счету племени произошла драка, ясное дело, из-за женщин. Одна была убита, несколько — серьезно ранены, и пришельцы сочли за благо удалиться.

Мы также задержались на реке ненадолго, верные привычке к бродячей жизни. Правда, мы кочевали не совсем бесцельно, а переходили с одного места на другое, чтобы разнообразить питание: сменять рыбу мясом, мясо — кореньями, коренья — еще чем-нибудь. Все же следует признать, что австралийцы по натуре своей скитальцы, вечно всем недовольные, вечно куда-то стремящиеся, и покой они находят, только когда спят, хотя и во сне видят корробори, сражения и измены.

Однажды во время перекочевки змея ужалила нашего товарища, который улегся спать на поваленном дереве. Бедняга тут же умер. Он был далеко не последний человек в племени, его смерть всех опечалила, и похоронили его со всеми подобающими почестями.

Одни умирали, другие просто отделялись от племени по тем или иным причинам, и случилось так, что мои родственники остались только с двумя-тремя семьями, которые все жили в разных шалашах.

Как-то раз мы увидели, что к нам приближается большое племя — человек шестьдесят, не меньше. На другом берегу они остановились и начали натираться глиной и охрой, словно готовясь к бою.

Сильно встревоженные, мы надеялись только на то, что наша беспомощность смягчит пришельцев. Они, однако, ничуть не скрывали своих намерений. Потрясая копьями, они перешли реку и бросились в атаку так стремительно, что женщины с детьми едва успели убежать. Зятя, который столько лет был мне верным другом, пронзили копьем у меня на глазах, а его жену поймали и уложили на месте. Затем враги вернулись туда, где я стоял; умирающий зять при приближении врагов, собрав остатки сил, вскочил и копьем проткнул одному руку. В ответ на моего друга и его сына обрушился град копий и бумерангов. Как это ни странно, ни один не поднял руки на меня. Конечно, прояви я хоть

какую-нибудь враждебность, меня бы в один миг не стало, но что я мог сделать один против всех?

Причиной нападения на этот раз были не женщины. Человек, умерший от укуса змеи, принадлежал к тому племени, которое нас атаковало, и его сородичи решили, что у моего зятя было что-то, что вызвало смерть несчастного. Австралийцы вообще подвержены предрассудкам. Часто они извлекают из тела покойника почки, завязывают их в мешочек и носят на шее для защиты от сглаза и как талисман, приносящий окружающим добро или зло[36].

Сына же моего зятя убили потому, что он обещал свою дочь человеку из этого же племени, а отдал ее другому. Гибель бедных моих родственников, которые неизменно были так добры ко мне, глубоко потрясла меня. Я не стыжусь признаться, что в течение нескольких часов плакал навзрыд, да и потом никакие мог успокоиться. Считая меня ожившим братом, они неустанно заботились о моем благополучии. Вряд ли кто-нибудь мог бы относиться ко мне лучше, чем эти бедные австралийцы, и вот они лежат бездыханные, убитые бандой дикарей, которые, видимо, жаждали еще крови. Все, что я перенес в лесу, бледнело по сравнению с душевными муками, которые я испытывал в этот момент.

Отчаяние придало мне такую храбрость, что, когда здоровенный детина подошел к моему шалашу и потребовал копья зятя, я наотрез отказался отдать их.

Верзила не стал настаивать, но приказал взять запас рыбы и накидку, идти туда, где стояла его жена с детьми, и там дожидаться его прихода. При этом он не переставал распинаться в дружбе ко мне. Я все же не очень-то верил его клятвам и, отойдя на приличное расстояние, решил бежать. Я взял копья, свернул накидку как можно плотнее, переправился через реку и помчался к лесу, выбрав направление, противоположное тому, в каком, я знал, скорее всего направятся дикари. После того как туземцы хладнокровно убили на моих глазах стольких людей, я, безусловно, вправе называть их дикарями, хотя, как вы могли убедиться, среди них много добросердечных созданий. Пройдя около четырех миль, я встретил знакомых австралийцев. Они еще издали заметили, что я очень взволнован, и, конечно, встревожились. Узнав, что случилось, они немедленно стали готовиться к бою, тем более что среди них был тот самый молодой человек, которому сын моего зятя отдал свою дочь в жены. Мы условились, где встретимся после похода, и я отправился к реке Барвон. Утром я переплыл ее и еще до захода солнца поставил себе шалаш на холме, с которого открывался

великолепный обзор. Место для костра я загородил корой и дерном из опасения, что пламя, видное издалека, может выдать врагам мое местонахождение.

Так я провел несколько дней, ожидая прихода друзей. Наконец однажды вечером я заметил в долине приближающийся огонек. Это меня обеспокоило: вряд ли друзья стали бы ходить по ночам. Не теряя времени даром, я потушил костер, убрал копья и рыбу подальше, а сам спрятался неподалеку в высоких камышах. Вскоре до меня донеслись женские голоса. Одна женщина спросила: «Куда он мог деться?». Остальные наперебой высказывали разные предположения.

Удостоверившись, что опасности нет, я вышел, к радости гостей. Передо мной стояли пять молодых женщин из дружественного племени, которое я встретил на днях. Они бежали после большого сражения между отрядом мстителей и теми, кто убил моих покровителей.

Чтобы не попасть в руки врагов, из которых трое были убиты, женщинам пришлось бежать с поля боя, но до этого они успели сжечь трупы моих родственников, опасаясь, как бы дикари их не изуродовали. Бедняжки от усталости валились с ног и изнемогали от голода. Я отдал им все мои запасы и уложил спать в шалаше. Утром две ушли, а три решили ждать своих соплеменников, но через несколько дней и они покинули меня.

Полагая, что какая-то причина помешала всему племени прийти, я отправился к месту зверского избиения моих друзей. Там я нашел их пепел и кости, сгреб в кучу и прикрыл сверху дерном. Это было единственное, чем я мог отблагодарить моих друзей за доброту. При воспоминании о том, что они делали для меня на протяжении многих лет, наполненных опасностями и тревогами, я очень горевал. Похоронив, как мог, останки близких, я вернулся в шалаш на холме, где меня нашли женщины.

Через два дня явилось вес племя. Друзья уговаривали меня присоединиться к ним, уверяли, что одному жить опасно, что они будут меня защищать… Но я решительно отказывался, не веря их клятвам и устав от жестокостей. Вскоре племя распрощалось со мной. Как только оно, переправившись через реку, скрылось из виду, я сложил свои вещи и зашагал в противоположном направлении, к морю. В Мангавхавзе, около пресноводного источника, в котором водилась всевозможная рыба, я поставил шалаш и жил тут много месяцев.

Уже с четверть века я вел подобный образ жизни и настолько свыкся с ним, что забыл родной язык и испытывал полное безразличие к благам цивилизации. Я был уверен, что никогда уже не возвращусь к иной жизни и иным людям. «Калькутта»

давным-давно ушла, а первое поселение англичан было заброшено — об этом мне рассказали австралийцы.

Часто я подолгу вглядывался вдаль, надеясь увидеть на море корабль, но напрасно. В то время вдоль побережья суда почти не ходили. Колонии Южной Австралии и других поселений еще не было, а корабли, шедшие из Сиднея, проплывали вдалеке от земли, так как немногие отваживались проходить через пролив[37].

Несмотря на полное одиночество, я был доволен своей судьбой и свыкся с мыслью, что кончу свои дни здесь. Даже будь у меня книги, что за польза была бы мне от них? То немногое, что я знал в юности, я давно позабыл, и единственное, что мне оставалось делать, это разыскивать пищу, есть и спать.

Сейчас мне совершенно непонятно, как мог я столько времени вести такую жизнь. Вымышленному герою знаменитой повести — Робинзону Крузо посчастливилось: он нашел среди обломков корабля библию, которая служила ему поддержкой и утешением. Я же, настоящий Робинзон, проведший столько лет среди нецивилизованных людей в неизведанных лесах и зарослях огромного австралийского континента, был лишен подобной опоры. Надеюсь, что читатель задумается над моей участью и посочувствует одинокому человеку, влачившему столь печальное существование. Единственное, что меня поддерживало, это вера в великого бога, который сотворил чудо, оберегая меня; и в благодарность за то, что он хранил меня и послал мне силы и здоровье, я не забывал возносить ему горячие искренние молитвы.

Глава VI
СВАДЬБА В ЛЕСУ

Наступила зима, задули штормы, и, вконец измученный холодом и непрестанными дождями, я переселился на реку Карааф[38], где построил себе более основательное жилье. К сожалению, у меня не было собаки, а без нее невозможно охотиться на кенгуру, поэтому мне приходилось довольствоваться рыбой — когда она ловилась, конечно, — и кореньями, которыми изобиловала эта местность.

Однажды, наблюдая за рыбой, я заметил, что в устье реки прилив занес косяк лещей и протащил его довольно далеко вверх по реке, до места впадения в Карааф сравнительно глубокого притока. Тут начался отлив и повлек лещей назад. В этот момент меня осенила мысль: «А что, если преградить рыбе путь к отступлению? Тогда у меня будут большие запасы пищи, посланные мне, по-видимому, самим провидением».

Весь день и всю ночь я только об этом и думал. Утром я исследовал реку и нашел мелкое место — не глубже двух футов, вполне подходившее для моей затеи.

Прежде всего я собрал ветки и тростник, связал их в большие вязанки и снес к реке. Затем нарубил длинные колья и заострил с одного конца, чтобы они держались в леске. Как только набралось достаточно материала и уровень воды спал, я принялся мастерить плотину и работал без устали до тех пор, пока запруда не была готова. Начался прилив, в реке появились тысячи рыб. Когда

наступило время отлива и рыб понесло обратно в море, они, натолкнувшись на воздвигнутое мною препятствие, в смятении кинулись сначала назад, затем, повинуясь течению, снова вперед, по направлению к морю, но, так как проход был закрыт, им пришлось опять повернуть, и так они метались до тех пор, пока край плотины не выступил высоко над водой, и им не оставалось ничего иного, как сдаться на милость победителя.

Так я, к моей великой радости, набрал или, если хотите, наловил целые горы рыбы, притом очень вкусной и крупной — большинство рыбин весило не меньше трех фунтов. Имея еще и коренья, я был надолго обеспечен едой.

Теперь я мог со спокойной душой заняться жильем. Я разыскал несколько бревен и укрепил ими крышу, чтобы она лучше защищала от холода и дождя. Стены хижины и трубу я обложил дерном. Несколько дней я трудился не покладая рук, но зато мне стало гораздо уютнее в моей одинокой конуре, откуда открывался далекий вид на равнину и простиравшееся за ней море.

Заметив, что приливы и отливы, а следовательно появление и исчезновение рыбы в реке, зависели от положения луны, я решил создать себе постоянные запасы и принялся вялить рыбу на солнце. Каждый день я раскладывал ее на крыше хижины, развешивал на ветвях деревьев. Как только начинал накрапывать дождь или вообще портилась погода, я заносил все в дом. Большим подспорьем мне был также корнеплод — австралийцы называют его *мурнинг,* — который формой, размерами и вкусом напоминает нашу редиску.

Однажды, когда я возился с рыбой, я услышал поблизости голоса. Один из них произнес: «амадеат», то есть «белый человек». Первой моей Мыслью было спрятаться, но пришельцы — двое мужчин и две женщины с детьми — стояли уже передо мной. «Это я», — сказал один, что означало, что он мой друг и мне нечего бояться. Действительно, гости принадлежали к племени моих родственников, к моему племени, так сказать. Женщины расплакались от радости, что я жив и здоров. Они не видели меня год, а может, даже два и давно считали убитым.

Один австралиец вынул из корзины и дал мне ногу кенгуру, смолу и коренья, а я пригласил друзей в дом и угостил рыбой, не преминув, конечно, похвастать своими запасами. Потом я рассказал австралийцам обо всех моих приключениях, вызвав у слушателей неподдельный восторг, который они выражали пением и совершенно невероятными прыжками.

Моя затея с запрудой так понравилась австралийцам, что они одобрительно хлопали меня по спине и уверяли, что я заслужил

трех или даже четырех жен. Немного погодя австралийцы отправились бить копьем рыбу, а возвратившись, соорудили себе шалаши рядом с моей хижиной. Через несколько дней они уговорили меня пойти вместе с ними собирать коренья и смолу на соленое озеро Неллеменгобит, находившееся милях в пяти от моего дома и отделенное от моря только узкой полоской песка. Поблизости протекал пресноводный ручей, и около него мы разбили свой лагерь.

С наступлением полнолуния мы вернулись на Карааф. Там мы наловили столько рыбы, что никак не могли с ней управиться. Пришлось одному австралийцу пойти за остальными своими сородичами. Те в долгу не остались и принесли с собой много мяса кенгуру. Сытная жизнь пришлась им так по вкусу, что они обосновались рядом с нами и жили здесь довольно долго, не переставая хвалить меня за то, что я изобрел способ так легко ловить рыбу. Когда рыба приелась, мы ушли туда, где можно было охотиться на кенгуру. Нам везло, причем среди богатой добычи были не только кенгуру, но и вомбаты — туземцы называют их *норнгнор*. Эти зверьки, подобно кротам, роют себе в земле норы, достигающие в длину двадцати футов и уходящие вглубь на десять-двадцать футов. Вомбат не крупнее поросенка, вооружен крепкими зубами и длинными когтями, у него очень короткие лапы, шкура твердая и покрыта коротким волосом, хвоста нет, а уши хоть и есть, но почти незаметны. Вомбаты питаются в основном травой, норы покидают только после наступления темноты и под утро возвращаются.

Охотятся на вомбата так: маленького ребенка опускают в нору, и он пятится назад, пока не коснется ногами зверька. Тогда он кричит изо всех сил и стучит по своду норы. Охотники же, приложив ухо к земле, чутко прислушиваются к сигналам, которые позволят им почти точно определить, где находится животное. В этом месте они капают вертикально углубление, пока оно не пересечется с ходами в норе вомбата. Землю вытаскивают наверх в корзинах. Нет ничего проще, чем убить вомбата, застигнутого в норе, но, чтобы выкопать такую глубокую яму, приходится как следует попотеть. Поэтому австралийцы предпочитают охотиться на других животных, тем более что вомбаты, за исключением самок с детенышами, живут по одному. В жареном виде их мясо очень вкусно, приготавливают его крайне просто. Выпотрошенного вомбата кладут на огонь, и он довершает дело.

Что касается огня, то летом австралийцы очень легко добывают его трением одна о другую двух палочек из дерева *деалварк*. Иногда они носят с собой такие палочки в мешочке,

сплетенном из волос опоссума. Вот зимой добыть огонь труднее, и австралийцам нередко приходится страдать от голода и холода. Последний особенно страшен потому, что единственную одежду австралийцев составляют накидки из шкур, которые они сшивают жилами, пользуясь в качестве иголок тоненькими косточками кенгуру. Спят австралийцы на этих же накидках.

Несмотря на то что австралийцы так плохо защищены от холода и дождя, хворают они, как ни странно, крайне редко. Правда, я встречал, но очень редко, людей, пораженных болезнью вроде цинги. Как правило, австралийцы — народ здоровый, у них не бывает инфекционных заболеваний, хотя один раз, помню, на них напал недуг, унесший много жизней, причем он, казалось, выбирал самых здоровых и сильных. Начиналась эта болезнь с того, что ноги сильно распухали, теряли подвижность и покрывались болезненными язвами.

Теперь мне хочется рассказать о странном обычае, принятом у австралийцев в семейной жизни, если это выражение применимо к ним. Как только на свет появляется девочка, родители почти немедленно обещают ее кому-нибудь в жены. С этого момента и до самого бракосочетания мать новорожденной не должна разговаривать с нареченным дочери и его братьями. Более того, она всячески старается избегать встречи с ними. Если будущий зять или его брат должен посетить лагерь, где живет мать девочки, ее предварительно извещают, чтобы она могла уйти подальше. Случайно встретив нареченного дочери, она закрывается накидкой. Если он преподносит своей будущей теще мясо опоссума или кенгуру или же другую еду, она, прежде чем принять и испробовать ее, натирает лицо и руки углем. Получив же в подарок накидку из шкур, она сначала дает поносить ее мужу[39].

Жених тоже неукоснительно соблюдает этот обычай. Он может встречаться с отцом, но ни в коем случае не с матерью невесты. Такое странное, на наш взгляд, поведение объясняется тем, что, по поверьям австралийцев, родители стареют, когда их дети вступают в брак, а мать немедленно седеет, как только будущий муж дочери взглянет на нее.

Вернемся, однако, к нашему рассказу. Охотились мы долго, и под конец к нам присоединились два племени — *путнару* и *варвару*. Они пришли издалека — с противоположного берега залива — без женщин и детей, поставили шалаши рядом с нашими и какое-то время вели себя спокойно. Но однажды путнару внезапно окружили наших и ни с того, ни с сего пронзили копьем молодого человека, лет двадцати: ему, видите ли, была обещана в жены девушка, которая приглянулась одному

из нападавших. Бедняга сделал несколько шагов вперед и замертво рухнул на землю. Наше племя обрушилось на убийц с упреками, но они посоветовали нам убираться подобру-поздорову. Нас было меньше, и пришлось сделать вид, будто мы примирились с убийством.

Мы, естественно, сочли за благо уйти с этого места, причем меня послали известить родных убитого о несчастье, а заодно следить за передвижениями путнару. Я с честью выполнил поручение, то есть выяснил, где находится неприятель, и, разыскав родителей убитого, рассказал им об обстоятельствах гибели их сына. Их немного утешило то, что его останки похоронили на дереве, уж очень они боялись, как бы тело не попало в руки дикарей. Чуть успокоившись, отец собрал родных и друзей, они обмазались белой глиной и охрой и в полной боевой готовности двинулись в путь. Заметив приближение многочисленного отряда, путнару с позором бежали.

Теперь наше племя стало лагерем в Нуллемунгобеде. Эта местность в центре обширных равнин была богата источниками хорошей воды. Когда мы устроились, несколько человек сходили к дереву, на котором был похоронен убитый юноша, и унесли нижнюю часть трупа. Женщины в лагере, как обычно, встретили останки воплями и стенаниями, наносили себе головешками ожоги и все такое прочее, а затем зажарили мясо убитого между раскаленными камнями, и все присутствующие с жадностью стали его поглощать.

Меня тоже уговаривали принять участие в этой страшной трапезе, но, как вы сами понимаете, я с отвращением отказался.

Многие из этих каннибальских обычаев, которые кажутся нам чудовищными, соблюдаются из уважения к умершему. Из уважения же к нему кости коленной чашечки тщательно очищают и кладут в мешочек из волос и крученой коры, и мать покойного в память о нем днем носит мешочек на шее, а ночью кладет себе под голову.

Переполненный чувством омерзения ко всей той бесчеловечности, которую мне пришлось наблюдать, я один вернулся на реку Карааф и много месяцев ловил рыбу около моей плотины, каждый день ожидая, не нагрянет ли какое-нибудь племя. Я уже начал подумывать, не забыли ли они совсем о моем существовании, как вдруг в один прекрасный день явились мои друзья и поселились рядом. Рыбы и кореньев было сколько угодно, и мы несколько месяцев жили в покое.

Сейчас, читатель, я перейду к очень важному периоду в моей жизни. Дело в том, что мои друзья решили, что мне следует жениться. Меня, конечно, никто не спрашивал, так как

австралийцы считали, что могут мною распоряжаться по своему усмотрению.

Хотя моя жена уже была один раз замужем, в день нашего бракосочетания она ни словом не обмолвилась о своей первой любви.

Любовь! Мне хочется рассказать о ней побольше.

Моя супруга, по-видимому, изменяла мне самым бессовестным образом с первого же дня. В конце медового месяца (впрочем, может быть, несколько месяцев спустя) однажды вечером, когда мы наслаждались семейным счастьем, к нам явились несколько человек и силой увели мою жену, которая, однако, не выказала ни малейшего недовольства. Не имея возможности обратиться в суд с жалобой на разрушителей семейного очага, я на следующий день отправился к племени, к которому принадлежали похитители моей жены, и пожаловался на их поведение. По правде говоря, я не очень-то горевал о своей утрате, да и утрата ли это была? Многие мои друзья настаивали на том, чтобы и отомстил неверной и ее избраннику, но я отказался, и в конце концов ее убил человек, которому она тоже изменила. А так как моя жена путалась со многими, и у всех у них были родственники, жившие поблизости, ее убийство повлекло за собой новую потасовку, в которой многие сложили свои головы. Я, однако, не принимал в ней никакого участия и только на всякий случай приготовился к отпору, так как владел теперь копьем и бумерангом не хуже любого австралийца. В конце концов воцарился мир, который был ознаменован пышным корробори.

Незадолго до этого я взял к себе девочку и слепого мальчика — детей моего зятя, которые очень привязались ко мне и постоянно сопровождали меня на рыбную ловлю и на охоту.

Кстати, об охоте. Иногда, когда погода благоприятствует этому, австралийцы образуют огромный круг и, постепенно сужая его, сгоняют в середину всех попадающихся им на пути животных и пресмыкающихся, а затем поджигают кусты и траву, после чего животные легко становятся их добычей. Австралийцы бьют кенгуру, вомбатов, опоссумов, змей, ящериц, жаб, крыс, мышей, диких собак и всех их жарят и едят.

Помню, однажды во время такой охоты была убита гигантская змея с двумя головами, подымавшимися на два дюйма над ее туловищем, с черной спиной и коричневато-желтым брюхом, покрытым красными пятнами. Она имела около девяти футов в длину, но огонь прожег ее туловище посередине[40]. При виде чудовища туземцы пришли в неописуемый ужас, хотя вообще-то они ничуть не боятся ядовитых змей и преспокойно

едят их, как любую другую живность, отрубив голову и изжарив между раскаленными камнями.

Со своими приемными детьми и еще двумя семьями я отправился в Беаррокк. Там была целая цепочка ям, заполненных водой, в которых водились великолепные угри. Кроме того, Беаррокк славился изобилием съедобных кореньев, которыми мы долго питались.

Однажды мы только легли спать, как вдруг одна наша женщина услышала в кустах шорох, словно кто-то ходил там. Она и ее муж, встревоженные, бросились к нам и очень напугали слепого мальчика и его сестренку; они еще помнили, как был убит их отец. После минутного раздумья мы решили спрятаться, но не знали, в каком направлении бежать, и, затаив дыхание, прислушивались, стараясь разобрать, откуда доносится шум и кто его производит. Мы даже послали на разведку наших мужчин; они вскоре вернулись с сообщением, что видели костер, а вокруг него несколько человек. Это еще больше встревожило нас, особенно моих бедных детей. Чтобы успокоить их, я положил и корзину несколько тлеющих головешек, прикрыл их дерном и отправился с детьми в уединенное место Банор, которое находится на вершине небольшого холма неподалеку от берега моря. Оттуда, я знал, открывается далекий вид на все четыре стороны.

Утром, с тревогой осматривая местность, я заметил примерно в миле от нас людей, направлявшихся к нашему укрытию, и немедленно спрятался вместе с детьми. Это, однако, оказались наши друзья, с которыми мы расстались ночью.

Мы долго совещались, куда идти, и так как никак не могли прийти к общему решению, то разошлись в разные стороны: друзья наши направились в глубь страны, а я с моими подопечными — к берегу моря.

Мы шли несколько дней и только в Манговаке сделали длительную остановку. Здесь мы питались моллюсками и диким виноградом, который в изобилии растет в этой местности.

Был разгар лета, и нам почти не приходилось испытывать лишения. Что до меня, то я давно уже свыкся со всеми превратностями своей необычной жизни.

Передохнув, мы двинулись дальше и в конце концов дошли до реки Карааф, столь милой моему сердцу. Хижина, которую я построил, стояла целая и невредимая. Не знаю уж почему, но австралийцы не посещали ее, а если и посещали, то ничего внутри не трогали.

Я быстро восстановил плотину, но нам повезло не сразу: то погода не благоприятствовала, то прилив был слабый. Наконец

мы взяли богатый улов, так что теперь у нас помимо кореньев было сколько угодно рыбы. Все бы ничего, если бы не беспокойство за детей, особенно за слепого мальчика. Ведь если ночью нападет чужое племя, бедняжка даже не сможет спрятаться. Представляете себе, какое облегчение я испытал, когда рядом с нами поселилась семья, с которой я был связан давней дружбой.

Глава VII
КОРАБЛЬ!

Много месяцев все шло как нельзя лучше, пока в наших краях не объявился, на горе нам, молодой человек лет двадцати. Прожить с нами ему довелось лишь несколько дней — он тяжело заболел и, несмотря на все наши заботы, скончался. Подавленные этим грустным происшествием, мы решили, что неплохо бы нам отвлечься, и устроили небольшую охотничью вылазку.

Надо же было, чтобы вскоре мы повстречали родных покойного и, естественно, рассказали им о несчастье. Они пришли в ярость, прямо бесновались. Послушать их, так это мы злонамеренно довели его до смерти. Кончилось тем, что в неистовстве они вырвали у меня из рук слепого мальчугана и убили его: он, мол, был в одной хижине с умершим и бесспорно виновник его гибели. Тело мальчугана они зажарили по известному вам способу.

Я, взяв девочку, ушел подальше от всего этого ужаса и шел, забыв об усталости, до тех пор, пока не встретил человека, которому моя воспитанница была обещана в жены. Я подробно описал ему, как был убит слепой мальчуган, и он и его соплеменники поклялись отомстить. Не откладывая дела в долгий ящик, двое или трое из них немедленно отправились в путь и через день-два вернулись с радостной вестью: они убили двоих детей наших врагов.

На стоянке, где мы теперь жили, постепенно собралось более двухсот человек. Я уже знал австралийцев и был уверен, что без

драк и кровопролитий тут не обойдется. Поэтому я уговорил нареченного моей воспитанницы и с ним еще два семейства возвратиться на реку Карарах. Но и там я пробыл недолго. Девочку я отдал на попечение будущего мужа и его жены, хотя они не очень-то были этому рады, а сам пошел куда глаза глядят.

Мне хотелось жить подальше от австралийцев, чтобы больше не видеть таких страшных сцен, свидетелем которых я был. Двигался я вдоль берега моря и питался главным образом моллюсками, но теперь я знал, как их готовить и где найти коренья, чтобы разнообразить мой стол.

По девочке я не очень скучал, ведь и расстался-то я с ней по доброй воле, а вот о страшной участи ее бедного братишки все время думал. Уж очень я к нему привязался! Да и он не отставал от меня ни на шаг и все, бывало, ласкался ко мне, знал, что я его в обиду не дам.

Теперь я снова был один и, хотя сам этого хотел, чувствовал себя несчастным. Однажды, когда я брел, погруженный в мрачные раздумья, ко мне нежданно-негаданно пристала молодая женщина. Она бежала от своего племени, когда оно не на жизнь, а на смерть схватилось с врагами. Женщина долго была со мной, и все это время мне удавалось добывать достаточно пищи. Я даже убил большое морское животное; австралийцы называют его *коорман*. Я о нем уже рассказывал. Помните, незадолго до моей первой встречи с австралийцами коорманы чуть было не забрались в пещеру, в которой я нашел убежище. Мясо коормана нам очень понравилось, особенно моей подружке. Когда мы расправились с тушей коормана, женщина с ног до головы обмазалась его жиром, который очень напоминает свиное сало.

Моей прелестной спутнице, как видно, было со мной хорошо, и она под разными предлогами откладывала возвращение к своим сородичам. Они, надо полагать, ее не разыскивали, мы же не знали, где они находятся, и, не думая о них, стали кочевать, выбирая места, где больше дичи и рыбы. Так мы попали в Данава. Там протекает довольно большая река, бегущая с гор, расположенных вдалеке от моря. Нам бы пойти вверх по течению, да путь в глубь страны преграждали почти непроходимые заросли. Никак мы не могли отдалиться от моря, а погода стояла холодная, далеко не всегда нам удавалось найти какое-нибудь пристанище на ночь — пещеру или расселину в скалах, одним словом, мы хлебнули горя и решили поскорее вернуться в мой старый замок на реке Карарах. Читатель может удивиться, как это человек, общавшийся ранее с цивилизованными людьми, был способен вести подобный образ жизни; я прошу читателя подумать о том, что я в течение многих лет был оторван от

культурного общества и что человек, как любое другое живое существо, приспособляясь к обстоятельствам, легко изменяет свои привычки, наклонности и даже, я сказал бы, чувства. Сейчас я оглядываюсь на тот период моей жизни, что я провел в лесу, с невыразимым удивлением, и иногда мне кажется, что это происходило со мной во сне. Может быть, никто не может похвастать тем, что прожил такую долгую и богатую событиями жизнь, какая выпала на мою долю.

Спустя много месяцев все же явились родственники моей подружки, и пришлось ей возвратиться к своему племени, а я снова остался один и только время от времени посещал дружественные племена, селившиеся поблизости.

За все годы, что я провел на побережье или поблизости от него, я ни разу не слыхал ни об одном корабле или мо ряжах, потерпевших кораблекрушение, и уже не надеялся, что увижу цивилизованных людей.

На моих глазах вырастали дети, умирали старики… А я все продолжал жить среди австралийцев, никому не причиняя вреда, ни с кем не ссорясь, и со временем стал пользоваться среди них большим уважением. Сколько кровопролитных сражений я предотвратил! Не раз бывало, что, когда назревала драка, я обходил австралийцев и отбирал у них копья, палицы и бумеранги. Австралийцы всегда приветливо меня встречали, делились со мной свои ми запасами, никогда не забывая пожелать мне на своем языке доброго здоровья.

Тут следует заметить, что каждое племя разговаривает по-своему. Людей моего племени, с которыми я прожил бок о бок много лет, я понимал великолепно, но подчас не разбирал ни слова из того, что говорили австралийцы некоторых других племен. Впрочем, что тут удивительного: известно ведь, что жители многих областей Англии, Ирландии и Шотландии часть слов произносят по-разному и даже говорят на разных диалектах.

Теперь вам понятно, с какой осторожностью надо относиться к выступлениям на суде так называемых протекторов туземцев[41], переводящих их показания. Их переводы и пояснения не следует принимать на веру, особенно когда речь идет о жизни или смерти подсудимого. К тому же соображения мести часто побуждают австралийцев давать ложные показания. Это, конечно, нехорошо, но что поделаешь, приходится с этим считаться.

Чуть не забыл сказать, что во время странствий я видел племя *паллидургбарран*[42], известное своими наклонностями к каннибализму. Оно не только съедает павших в сражениях, но и не прочь полакомиться человечьим мясом при любом удобном

случае. На мой взгляд, люди этого племени мало чем отличаются от животных.

Даже вид паллидургбарран внушал ужас. Было что-то зловещее в их красноватой коже и больших выпяченных животах. Они не строили хижин или других укрытий и спали как придется, в зарослях.

Особой прожорливостью отличались их женщины, причем они предпочитали детей. Другие австралийские племена так настрадались от паллидургбарран, что решили покончить с жестокими людоедами раз и навсегда и подожгли заросли, где те скрывались.

Возможно, все паллидургбарран и в самом деле погиб ли в огне или задохлись в дыму, во всяком случае я больше ни одного из них не встречал.

Среди австралийцев распространено поверье, что последний паллидургбарран превратился в камень. Действительно, около леса стоит фигура, ну, точь-в-точь статуя человека, это ясно видно; но может быть, это всего лишь носовое украшение разбившегося корабля.

Как-то раз, когда я был в Бангибарра, что находится на некотором расстоянии от берега, я вдруг увидел, что туземцы несут на плече флаг. Я кинулся к ним, стал расспрашивать… Оказалось, какое-то европейское судно бросило якорь в заливе Порт-Филипп. Туземцы установили за ним наблюдение. Через день-другой судно переменило стоянку, а затем с него спустили лодку, в которую уселась вся команда. Лодка вошла в устье реки и поплыла вверх по течению.

Много часов австралийцы не спускали глаз с берега, но лодка не возвращалась. Тогда трое из них подплыли к судну и кое-как на него вскарабкались. Первым делом они сорвали флаг. Затем принялись за паруса и снасти. Бутылки из-под вина тоже пригодятся: их осколками можно заострять копья. Одним словом, австралийцы не погнушались ничем, что попалось им на глаза. Только в трюм они не отважились спуститься, а там бы они, конечно, поживились основательно. Когда хозяева, вернувшись, увидели, как в их отсутствие туземцы отделали палубу, они схватились за ружья, но где там! Воришек и след простыл. Команда недолго думая подняла якорь и отвела судно подальше от берега. Все же спокойнее!

Рассказывая о своих похождениях, туземцы хотели, чтобы я завлек моряков на берег, где можно было бы напасть на них из засады и ограбить сначала их, а потом и корабль. Я изо всех сил отговаривал туземцев от этой затеи и наконец убедил. Особенно подействовал мой довод, что белые хорошо вооружены.

Через несколько дней подхожу я к берегу, смотрю — судно еще в заливе! И тут мне до смерти захотелось попасть к этим людям, чтобы наконец вырваться из плена. Схватил я копья и рыболовные снаряды и бегом по берегу, поближе к кораблю! Расположился как раз напротив него и развел большущий костер, чтобы привлечь к себе внимание. Вижу — несколько человек вышли на палубу и поглядывают в мою сторону (так мне, по крайней мере, казалось). Ну, думаю, все в порядке… Ну не тут-то было.

Матросы, наверно, решили, что это ловушка, — они ведь уже имели представление о повадках туземцев — и даже не собирались плыть к берегу. Хотел я им крикнуть, но никак не припомню ни одного английского словечка, хоть плачь.

Весь день и всю ночь я жег костер, и все без толку. У меня чуть сердце с горя не разорвалось. На следующий день от корабля отошла лодка. Неужели ко мне! Я вовсю стараюсь, подаю сигналы, но ярдов этак за триста от берега люди на лодке подняли парус, резко повернули свою посудину и пошли вдоль берега по направлению к островку. Увидев, что они высаживаются, я кинулся по мелководью к острову, но, как ни старался, снова ничего не вышло. Матросы успели нарубить дров, нагрузить ими лодку и, подгоняемые ветром, отправились восвояси, да еще посмеиваясь над моими отчаянными жестами и нечленораздельными возгласами. Им, конечно, и в голову не приходило, что я европеец, ведь с виду я был точь-в-точь туземец.

Ох, и ругал же я их! Вот, думаю, даром что европейцы, а поступают со мной ничуть не лучше дикарей! И невдомек мне, что впору сказать им спасибо за то, что они, пострадав от воров, не стали в меня стрелять.

Придя в себя, я осмотрел место, где высаживались моряки. Может, они забыли нож или еще какой полезный предмет? Вместо этого я наткнулся на холмик. Сдуру подумал, что под ним клад, и, хотя деньги, золото и бриллианты были мне в моем положении ни к чему, решил его выкопать. Под слоем дерна и земли я, к моему ужасу, обнаружил труп белого человека, завернутый в одеяло.

Одеяло было мне нужно позарез. «Может, взять?» — подумал я. Погода стояла очень холодная, да и жалко было оставлять в земле такое добро. И все же я не отважился ограбить покойника. Я засыпал могилу, старательно прикрыл ее ветками, а сверху завалил тяжелыми камнями, чтобы до трупа не добрались дикие собаки.

Всю следующую ночь я снова просидел на берегу, не переставая подавать сигналы, но ответа на них не было, я вконец

расстроился и отправился восвояси. Судно еще несколько дней простояло на якоре, причиняя мне своим видом невыразимые душевные муки. Что это был за корабль, куда и откуда он шел — я так не узнал и никогда не узнаю. У меня ведь не было ни малейшего представления о времени.

В связи с появлением этого судна туземцы вспомнили, что давным-давно к этому же месту пристал другой корабль, пятеро людей свели на берег двоих своих товарищей, привязали к деревьям и расстреляли: их тела так и остались висеть на веревках.

Прошло немного времени, и я набрел на большую лодку, выброшенную волнами на берег. Рядом, полузасыпанные песком, валялись восемь больших весел, какие бывают на китобойных судах. К самодельной мачте вместо парусов были привязаны три одеяла — одним словом, все говорило о кораблекрушении. Одеяла я постирал и высушил. Только управился, гляжу — вдалеке огонек: костер горит. Пошел туда, там австралийцы жарили рыбу. Увидев одеяла, они запрыгали от радости. Чтобы никого не обидеть, я разрезал одеяла на куски и роздал их по справедливости.

После этого мы пошли к лодке. Тут мои друзья рассказали, что встретили в лесу и приютили двух белых людей, перемерзших, измученных, голодных. Они все показывали в сторону, где была их лодка, по-видимому, хотели объяснить, что произошло несчастье, хотя сам их вид яснее всяких слов говорил о том, что они попали в переделку.

Туземцы приняли их тепло, кормили рыбой и мясом кенгуру. Не прошло и недели, как силы незнакомцев восстановились. Им пытались разъяснить при помощи жестов, что с племенем живет белый человек (имея в виду меня), но бедняги так ничего и не поняли и пошли по направлению к равнинам Яванг.

Я не сомневаюсь, что эти двое были в той лодке, которую выбросило на берег. Спустя какое-то время прошел слух, что белых, которых так хорошо приняли мои друзья, убили при переправе через реку Ярра люди племени варвару. Я до того расстроился, что прямо места себе на находил: ведь, появись я вовремя, они, конечно, были бы целы и невредимы. Все это заставило меня серьезно призадуматься, и я еще раз горячо поблагодарил творца за то, что он помог мне избежать всех опасностей.

Через несколько месяцев я нашел на берегу моря большую бочку, наполовину засыпанную песком. Ясное дело, она с погибшего корабля, и волны вынесли ее на берег. Я попробовал сдвинуть бочку с места — куда там! Силенок маловато! Тогда я

раскопал вокруг нее песок; обнажились железные обручи, которыми бочка была скреплена. Железо — большая ценность для туземцев. Пробку я проткнул внутрь, чтобы добраться до содержимого, но, попробовав, никак не мог понять, что это за жидкость: то ли вино, то ли пиво, во всяком случае не водка.

Я столько лет пил одну воду, что от запаха и вкуса напитка меня замутило. А что, если туземцам он понравится? Они и трезвые-то хороши, а уж пьяные… И я накренил бочку, чтобы драгоценная влага вылилась на землю.

Железные обручи я снял, разломал на куски и одарил потом ими тех туземцев, которые особенно хорошо относились ко мне. Ну, теперь они уже и вовсе готовы были идти за меня и в огонь, и в воду. Вообще, последнее время мне начало казаться, что под моим влиянием туземцы стали мягче, культурнее… А может, я просто привык к ним.

Вскоре туземцы потянулись с побережья на другие стойбища, со мной остался только один старик со своей женой и детьми. Вместе с ними я пошел на озеро Еррингот — одно из цепи озер под таким же названием, — в котором берет начало река Барвон. В этом озере туземцы часто видели буньипа, диковинное животное, о котором я уже рассказывал. Одно упоминание о нем приводило их в ужас. Еще бы! Ведь, по их поверьям, буньип наделен сверхъестественной властью над людьми и может навлечь на них болезни и смерть. Это благодаря его колдовским чарам в некоторых лагунах полно угрей, которыми он питается. Туземцы избегали тех мест, где видели буньипа. Однажды буньип похитил женщину — так во всяком случае уверяли туземцы. Случилось это, по их рассказам, следующим образом.

Одна семья ловила угрей. Их было так много, что пока муж относил одну корзину с уловом в хижину, жена успевала наполнить рыбой другую. Супруги никак не могли взять в толк, откуда такая удача, прямо чудо, а на самом деле это были козни буньипа: он хотел завлечь женщину, чтобы в отсутствие мужа схватить ее. И в самом деле: когда муж вернулся за очередной корзиной, жены и след простыл. Больше ее никто никогда не видел.

Туземцы так боятся чудовища, что, завидев его, в ужасе бросаются ничком на землю, издавая невнятные звуки, или кидаются прочь со всех ног, словно за ними гонятся хищные звери.

Я не раз пытался метнуть в буньипа копье, но только когда был уверен, что поблизости нет свидетелей; туземцы бы мне этого не простили. Я ни разу не попал в цель, и, наверно, это к лучшему: если бы мне удалось хотя бы ранить буньипа, туземцы,

по всей вероятности, прикончили бы меня в угоду своему «чудотворцу».

Глава VIII
НАЗАД К ЦИВИЛИЗАЦИИ

Как-то раз собираем мы со стариком коренья и видим: через болота к нам шагают два молодых туземца. Копья свои они подняли высоко над головами и все время размахивают ими, чтобы мы еще издалека их заметили, — знают, что мы поблизости. А на копьях яркие носовые платки. Значит, на побережье появились белые.

И в самом деле, туземцы рассказали, что встретили троих белых и с ними шестерых черных людей — таких они раньше никогда не видели. Есть ли у чужеземцев лодка? Да, у них *кооронг,* то есть корабль, но корабль ушел, а люди остались. Они поставили себе два белых дома — я тут же смекнул, что это палатки, — а в них полным-полно припасов, одеял, томагавков. Туземцы попросили *каллаллингурк* (томагавк), но им его не дали, хотя живущему поблизости племени пришельцы преподнесли подарки: ножи, ножницы и другие вещи.

Эти два туземца отправились на поиски племени, которое помогло бы их товарищам напасть на белых и — завладеть их имуществом.

Можете себе представить, как я встревожился, услышав эти слова. Надо как можно скорее предупредить чужестранцев о грозящей им опасности. Но как это сделать, чтобы не прослыть изменником среди туземцев?

Долго я ломал себе голову, как поступить. Загвоздка была в

том, что я давно позабыл английский язык. Все же я решил пойти к чужакам и помочь им, даже если это будет стоить мне жизни.

Как только посланцы ушли дальше искать подмоги, я поспешил к белым. До их расположения, по описаниям туземцев, было миль пятнадцать, но я думаю, что на самом деле куда больше. К тому же дул встречный холодный ветер, и я только на следующий день достиг цели. Еще издали я разглядел длинный шест или столб, а на нем — английский флаг. Приблизившись, я увидел и лагерь. Тут на меня нахлынули тяжкие мысли, связанные с моим прошлым, настоящим и будущим. Кто знает, что меня ждет… Я ведь бежал от наказания, наложенного королевским судом. Сейчас я свободен как птица, а дальше что будет? Может, меня засадят в тюрьму или подвергнут другому наказанию.

Пока я стоял, глубоко задумавшись и не находя ответа на терзавшие меня вопросы, один из белых с ведром в руке пошел к ручью за водой. Когда он со своей ношей проследовал обратно, я тоже пошел к ручью, чтобы собраться там с мыслями и окончательно решить, что делать.

Отсюда были видны как на ладони палатки, стоявшие вплотную к ним шалаши туземцев, костры, вокруг которых они сидели. По всему было видно, что туземцы очень возбуждены.

В это время один из них заметил меня и, обернувшись, ткнул в мою сторону пальцем, показывая белому: вот, мол, смотри…

Тогда я приблизился к костру и уселся рядом, положив копья и другое боевое и охотничье оружие между ног. Белые, конечно, не отличили меня от австралийцев: я был точно так же, как они, одет, вернее, раздет, моя загорелая обветренная кожа имела такой же оттенок, да и исключительно высоким ростом я не походил на европейца.

Один белый подошел ко мне и что-то спросил, но я, конечно, ничего не понял. Но, когда он протянул мне ломоть хлеба и произнес по-английски «хлеб», с моего сознания словно спала пелена, и я, повторив вслед за ним это слово, вспомнил и несколько других английских слов. С грехом пополам я объяснил белым, что я не австралиец. Они отвели меня в палатку, дали европейское платье, угостили мясом, бисквитами, чаем — одним словом, были ко мне очень добры.

Не могу вам рассказать, что я передумал и перечувствовал в течение ночи и как горячо благодарил бога за то, что он послал мне избавление от тяжкой жизни. А что оно не за горами — я не сомневался: конечно, пришельцев очень мало, туземцы могут их перебить, но следом наверняка придут другие белые.

На следующий день меня сверлил страх, и в то же время я

радовался своему избавлению, но ничего не мог сказать белым и только показал им татуировку на руке: инициалы «W. B». Это, видно, еще больше расположило их ко мне, наверно, они решили, что я моряк с затонувшего корабля. С тех пор я стал у них дневать и ночевать.

Постепенно до меня начал доходить смысл их речей — кое-что я понимал, а кое о чем догадывался, и довольно быстро я уразумел, что они собираются остаться здесь навсегда. Они, дескать, договорились с местными вождями и выменяли у них землю. Я-то знал, что это вздор, потому что в отличие от других отсталых народов у австралийцев нет вождей, которые распоряжаются землей. Семьей они верховодят, это верно, но земля тут ни при чем.

Если какие сделки и были заключены, так ведь бедные австралийцы не понимали, какую ценность имеет земля. Они на ней охотились, она их кормила — вот и все, что они о ней знали. Все эти земельные сделки белые придумали только для того, чтобы облапошить туземцев, вытеснить их из лесов. Скоро на всем австралийском континенте смолкнут шаги австралийских охотников, а их горести и радости станут достоянием прошлого.

Через день-два я чувствовал себя у европейцев как дома и всячески старался быть им полезным, рассказывая все, что знал, о стране. Корабль, с которого они сошли, вскоре должен был вернуться с новой партией людей, запасами продовольствия и орудий. По просьбе европейцев я теперь от них не уходил, хотя, по правде говоря, у меня от страха поджилки тряслись: вот, думаю, два молодых туземца приведут к своему племени союзников — и тогда мне несдобровать.

И действительно, они вскоре вернулись, и, конечно, не одни. Теперь силы были явно неравны, и, видя это, туземцы решили действовать. От меня они требовали, чтобы я им помог, иначе грозились вместе с англичанами прикончить и меня.

Я вконец растерялся. Если я расскажу новым поселенцам, какая опасность нависла над ними, они с перепугу могут прибегнуть к силе, а их так мало, что к добру это не приведет. Вот я и стал поддакивать туземцам, будто бы я заодно с ними, только все уговариваю их подождать, пока придет корабль, тогда, мол, добычи будет гораздо больше.

Доводы мои подействовали, но ненадолго. Видя, что терпение туземцев подходит к концу, я предупредил белых, чтобы они не зевали, а сам взял ружье и пригрозил, что застрелю первого, кто подымет руку на чужеземцев. Впрочем, тут же я обещал, что корабль привезет всем туземцам богатые подарки…

Австралийцы утихомирились на время, занялись охотой и

ловлей рыбы. Наша же группа была начеку и каждую ночь выставляла караульных.

В один прекрасный день я наконец углядел в заливе корабль и поспешил сообщить эту новость и европейцам и туземцам. Последние пришли в восторг, скакали вокруг меня, хлопали по плечу, очень были рады, что я их не обманул; ну и, кроме того, они были уверены, что получат подарки. Немного им все же было не по себе: как-никак они собирались убить белых, так не лучше ли им уйти в лес? Но я велел остаться. Пока они ничего плохого не натворили, рассудил я, вот если бы они напали на белых, ну, тогда другое дело, их бы всех расстреляли или повесили.

Корабль (его название я забыл), приближавшийся по заливу, сел на мель милях в трех от берега. С него спустили лодку, двое — как я узнал позже, мистер Батман и мистер Ведж — сели в нее и поплыли к берегу. Я пошел в лагерь туземцев и постарался им растолковать, как они должны себя вести.

При виде меня вновь прибывшие белые очень удивились. Особенно их поразил мой рост. Ганн — белый, остававшийся на берегу за старшего, — объяснил, кто я и как сюда попал. Мистер Батман задал мне несколько вопросов. Я сказал, что прибыл на корабле, названия которого не помню, что было это лет двадцать назад, а может, и больше, откуда мне знать, если я потерял счет времени. Мистер Батман предложил мне остаться с белыми и спросил, что, по-моему, лучше всего подарить туземцам. Я посоветовал прежде всего дать им хлеба. Мои новые друзья немедленно отрядили на корабль лодку, и она вернулась с двумя мешками бисквитов. Их роздали туземцам этой же ночью на большом корробори, которое произвело на гостей очень сильное впечатление.

Теперь моя задача состояла в том, чтобы поддерживать хорошие отношения между европейцами и туземцами. Я справлялся с ней настолько хорошо, что в ближайшие дни, когда судно сняли с мели, мы сгрузили с него провизию, кузнечные, плотницкие и другие инструменты, зная, что ничем не рискуем.

Работа закипела. Прежде всего срубили времянку для миссис Батман с детьми, чтобы она могла сойти на берег, а когда корабль ушел, приступили к строительству постоянных домов.

Я, не таясь, изложил мистер Веджу мое дело, объяснил, что меня денно и нощно грызет тревога, как власти отнесутся к беглому каторжнику с «Калькутты». Мистер Ведж пообещал замолвить за меня словечко губернатору провинции и употребить все свое влияние, чтобы после стольких лет мытарств я мог управиться на землю Ван Димена свободным человеком, я не арестантом.

Можете себе представить, с каким нетерпением я ждал возвращения судна из Хобарта. А пока я выступал в роли переводчика и редко покидал лагерь, опасаясь, как бы в мое отсутствие не возникли ссоры, которые мог уладить только я, как друг обеих сторон.

Мистер Ведж пожелал предпринять экскурсию в глубь страны, а меня избрал своим проводником. С нами отправились еще двое туземцев и трое сиднейских чернокожих. Первую остановку мы сделали на большом озере Кеингеанг, а отсюда пошли к довольно высокой горе Буниванг, откуда открывался прекрасный вид. Мистер Ведж сделал здесь несколько зарисовок. Около Вуронго я показал ему водопады, где в свое время ловил массу угрей. Желая сделать мне приятное, мистер Ведж окрестил водопады моим именем. В последующие два дня мы пересекли прекрасную огромную равнину; сейчас она усеяна фермами зажиточных колонистов, которые трудятся, не покладая рук. Нет смысла рассказывать, что мы видели, об этом и без того много написано. Достаточно сказать, что мистер Ведж был поражен и восхищен просторами страны, открывавшими богатые возможности для земледелия и животноводства. Об этом он сообщил в своих отчетах[43].

Мы побывали и в моей старой рыбацкой хижине на реке Карааф, а по дороге к ней стреляли птиц на реках и озерах, стараясь, чтобы туземцы это видели и прониклись страхом перед огнестрельным оружием. По приказанию мистера Веджа я всех встречных приглашал посетить наш лагерь и обещал, что там они получат подарки: одеяла, ножи, платки. Многие отвечали, что придут.

Только обещаниями подарков мне удавалось удерживать от воровства туземцев, расположившихся вокруг лагеря. Они все еще мечтали завладеть имуществом белых и корили меня за то, что я помешал напасть на чужеземцев. Как не велик был страх перед огнестрельным оружием, они не отказались от этого намерения, уповая на свое численное превосходство.

Но вот наконец настал день, когда судно вернулось из Хобарта. Оно бросило якорь примерно в двух милях от берега, и мистер Батман на лодке поплыл встречать прибывших. Мы заранее договорились, что он немедленно даст мне знать, если получит благоприятные новости.

Через несколько минут после того, как мистер Батман поднялся на борт, раздался ружейный выстрел — наш условный сигнал. Читатель сам понимает, что я почувствовал в этот момент. Моя радость еще более увеличилась, когда мистер Батман, возвратившись в лагерь, вручил мистеру Веджу письмо,

из коего явствовало, что я прощен. И все же я не забыл напомнить мистеру Веджу, что надо не мешкая выполнить мои обещания туземцам, иначе может возникнуть недовольство. На судно послали лодку, она доставила еще два мешка с бисквитами, но, так как было уже поздно, их роздали только утром. Тогда же мистер Ведж показал мне помилование, подписанное губернатором Артуром, и, кроме того, составленное в лестных выражениях благодарственное письмо — за услуги, которые я оказал поселенцам. Обе бумаги были датированы 25 августа 1835 года, то есть, как это ни странно, тем же самым днем, в который тридцать два года назад я сошел с «Калькутты» на берег Австралии[44].

Я пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить господина Веджа за то, что он, едва познакомившись со мной, с такой готовностью пришел мне на помощь, и сэра Георга, тогда полковника Артура, который не заставил меня томиться в ожидании ответа. А ведь я даже не смел надеяться, что он самостоятельно, не посоветовавшись с властями в Англии, решит вопрос о моей судьбе. И, конечно, мне было очень приятно, что губернатор высказывал надежду, что я и впредь буду помогать поселенцам.

Позвольте мне, благосклонный читатель, вернуться к тому моменту, когда я почувствовал себя освобожденным от прошлого и настоящего и обрел, наконец, вожделенную свободу на будущее. Вот что я сказал: «Я снова обращаюсь мыслями к небесам, уже как свободный человек. Я могу теперь благодарить бога и возносить его за то, что он ниспослал мне необыкновенное освобождение и на протяжении столь длительного времени оберегал меня. Сердце мое преисполнено радости, чуть не разрывается от восторга. И я спрашиваю, может ли еще чье-нибудь сердце биться, как мое, вырвавшееся из многолетнего заточения в одиночестве на свободу?».

Глава IX
УСПЕХИ КОЛОНИЗАЦИИ

Судно, ставшее для меня радостным вестником, доставило указания директоров компании, строившей поселок. Нам было предписано перенести лагерь на правый берег реки Ярра, где решили заложить город. Конечно, в то время никто не мог предположить, что ему суждено очень скоро стать столицей цветущей колонии, а затем могущественной нации.

В течение двух дней мы все с утра до вечера паковали вещи, готовясь к переезду. Место, где должен был вырасти Мельбурн, отличалось от остального леса лишь тем, что на некоторых деревьях были зарубки[45]. Когда наконец багаж был погружен, я объяснил туземцам, куда мы отплываем, и впервые после тридцатидвухлетнего перерыва с бьющимся сердцем ступил на палубу корабля. Мои австралийские друзья были весьма недовольны тем, что мы уезжаем. Они боялись, как бы мы не покинули их край навсегда. Они все еще помышляли о грабеже и вовсе не желали, чтобы добыча ускользнула из их рук.

Дул встречный ветер, и плыть было трудно, Целых два дня ушло на то, чтобы пройти залив. Прибыв на место, мы, даже не закончив разгрузку, принялись ставить временные мастерские и жилые дома.

В это время нам сделали визит два племени: путнару и варвару, те самые, которые убили двух моряков с затонувшего корабля, когда те переходили реку Яроа. Их было около двухсот человек, считая женщин и детей. Я с большим трудом удерживал

их от искушения поживиться здесь, опасаясь, как бы воровство не вызвало ссор. К каким уловкам только я не прибегал, чтобы ни туземцы, ни европейцы не заподозрили меня в лукавстве!

Пока мы разгружались, около наших складов день и ночь стояли часовые. Но что они могли бы поделать в случае нападения? Туземцев становилось все больше, не было дня, чтобы к нашему лагерю не подходили новые племена, причем многие без женщин и детей, а это было верным признаком их враждебных намерений. Нас выручал джентльмен, стоявший во главе колонии. Он раздавал одеяла, бисквиты, ножи, ножницы, уговаривая туземцев разойтись до прихода следующего корабля с земли Ван Димена, который привезет новые подарки. И туземцы, довольные посулами и тем, что уже получили, отправлялись восвояси. Но на их место приходили другие.

Со следующим кораблем прибыло еще несколько джентльменов, в том числе мистер Джеллибранд. Они наняли меня в переводчики, положили мне жалованье: пятьдесят фунтов в год, не считая питания. Вскоре мы отправились на поиски пригодных для пастбищ земель. За шесть дней мы исколесили все окрестности, не забыв побывать у водопадов Бакли и на Явангхиллс. Там нам встретилась семья старика, с которой я в последнее время вместе кочевал. Глава семьи долго корил меня за то, что я их бросил, но одеяло, подаренное мной, смягчило, по-видимому, его скорбь.

Пока мы отсутствовали, в Мельбурн пришло еще одно судно, нагруженное припасами (в основном картофелем) и разными предметами, крайне необходимыми поселенцам.

По приказанию начальников и каждый день раздавал картофель туземцам. Кирпич и другие материалы пошли на строительство дома для мистера Батмана, первого настоящего дома у залива Порт-Филипп. Строили его на холме, который с тех пор так и называется: холм Батмана. Я, как каменщик, наблюдал за кладкой дымохода, хотя прошло столько лет с тех пор, как добрый мистер Уайятт обучал меня своему ремеслу.

Весть о том, что у залива Порт-Филипп обнаружены великолепные пастбища, взбудоражила соседние колонии, и многие семьи потянулись в наши края. Поселенцы с земли Ван Димена уже готовы были вложить свои деньги в спекуляцию земельными участками. Были и такие, что сначала приезжали осмотреться, чтобы решить, стоит ли им покидать насиженные места.

Все шло тихо и мирно, пока новоселы не начали приставать к местным жительницам. Одна из них пришла ко мне с жалобой: пастух привязал ее к дереву, но, когда он заснул, она

освободилась от пут и убежала. Я, конечно, тут же передал все мистеру Джеллибранду, предупредив его, что этот случай может иметь весьма печальные последствия. Я ведь очень хорошо знал, как ревнивы и мстительны туземцы. Мистер Джеллибранд немедленно вызвал к себе провинившегося пастуха и, хотя тот уверял, что знать ничего не знает и в глаза не видел жалобщицу, дал ему нагоняй, уволил со службы и приказал немедленно возвратиться на землю Ван Димена.

Вскоре у нас появился миссионер, преподобный Джозеф Ортон, ныне покойный. Он тоже пожелал осмотреть страну, и я порекомендовал ему взять провожатыми шестерых туземцев. Через шесть дней мистер Ортон вернулся, целый и невредимый.

Теперь что ни день прибывали эмигранты из Сиднея и с земли Ван Димена. Из Сиднея приехало несколько важных чиновников, чтобы составить отчет о ресурсах страны. Случались и печальные происшествия: однажды вспыхнула ссора между туземцами и европейцами, не знаю уж из-за чего. Дело-то происходило в двадцати милях от поселения. В последовавшей затем драке двое белых были убиты. Похоронили их в Мельбурне.

Глава X
МЕЛЬБУРН СТРОИТСЯ

Однажды в нашей колонии появился некто мистер Фолкнер. Он не был связан с компанией и приехал на свой страх и риск. Трудно сказать, чем я ему не угодил, но он, почти не зная меня, наговорил обо мне с три короба: что я, мол, опасный человек, что слишком я дружу с туземцами, что они меня во всем слушаются… Как известно, вода камень точит; слово за словом его речи испортили мои отношения с компанией. Я обиделся и ушел со службы, хотя продолжал работать у мистера Батмана, относившегося ко мне с неизменной добротой.

Вряд ли у мистера Фолкнера было предвзятое ко мне отношение. Скорее всего он на первых порах придал значение наговорам моих недругов, а я по наивности принял опрометчивое решение.

Я работал у мистера Батмана до прибытия корабля из Сиднея, на борту которого находился Лонсдейл, капитан пехотного полка его королевского величества, того самого полка, в чьих рядах я сражался в Голландии.

Капитан командовал отрядом, который должен был охранять нашу колонию, сильно разросшуюся к тому времени. Среди ее жителей были и люди очень состоятельные, пользовавшиеся большим влиянием.

Кроме того, капитан Лонсдейл был назначен судьей Мельбурна.

Новый комендант заинтересовался подробностями моей

страдальческой жизни и после расспросов предложил мне должность на тех же условиях, на каких я служил в компании. Я попросил надбавки — как-никак я оказывал колонии важные услуги, — и капитан Лонсдейл, поразмыслив, обещал мне шестьдесят фунтов в год — вместо прежних пятидесяти — и питание. Так я стал переводчиком и проводником коменданта. По долгу службы я подыскивал места, которые рекомендовал для строительства бараков, складов и других зданий. Сам капитан Лонсдейл решил жить на борту корабля, пока не будет готов его дом.

Вскоре мне удалось привлечь туземцев за вареное мясо и бисквиты к работе. Они перетаскивали грузы и строительные материалы, носили воду. Работали они с удовольствием, только вот пугались при виде солдат, носивших красные формы. Этот цвет вызывал у них представление о чем-то страшном.

В мои обязанности входило посещать колонистов, узнавать, нет ли у них жалоб на туземцев, стараться, чтобы между коренными жителями и поселенцами царили мир и согласие. Первое время все шло хорошо. Но однажды ко мне прибежал мальчик из колонии и сообщил, что туземцы убили двух пастухов. Дело было так. Пастухи проследили, когда женщины одни собирали коренья, и попытались изнасиловать двух из них. На крики сбежались мужчины. На следующий день пастухи переходили со стадами на новые пастбища: они ехали верхом, приторочив ружья и провизию к седлам. Туземцы, внезапно выскочив из засады, сначала завладели ружьями, а затем расправились с пастухами. Несчастье случилось в семидесяти милях от поселения, и — недаром говорится «пришла беда, открывай ворота» — оно было не единственным: около Джилонга произошло несколько краж. Колонисты схватили туземца, вина которого даже не была установлена, привязали к дереву и расстреляли, а труп бросили в реку Барвон.

Мне и двум полицейским поручили арестовать подозреваемого в убийстве слугу мистера Фишера. Мы привезли его в Мельбурн, там его вина была доказана, и убийцу отправили в Сидней, так как в Порт-Филиппе не было суда, который был бы правомочен рассматривать такие дела. Суд его оправдал: не были установлены личность убитого и другие данные, без которых не могут решаться дела об убийстве.

Прошло немного времени, и нас посетил губернатор Берке в сопровождении нескольких важных чиновников и военных из правительства Нового Южного Уэльса. В его честь был устроен «парад». Я по поручению коменданта выстроил в линейку сто туземцев. По моему знаку они в знак приветствия поднесли руку

к голове.

Его превосходительство попросил меня передать туземцам, что, если они будут хорошо вести себя, они получат подарки. Действительно, через несколько часов им роздали бисквиты, одеяла и томагавки.

Губернатор пожелал осмотреть страну, и мне велели сопровождать его. Мы пересекли равнину Яванг, к вечеру достигли реки Маррабул (ныне Эск Ривер) и там поставили палатки. На следующую ночь мы остановились около Яллона и здесь разбили лагерь на несколько дней. Его превосходительство и другие господа ездили со мной по окрестностям и непрерывно восхищались нашими богатыми землями. С туземцами, которые нам встречались, губернатор был приветлив и приглашал их в Мельбурн, где все, кто не нанесет обид белым, получают богатые подарки. Многие туземцы потом последовали его приглашению, причем держали они себя очень миролюбиво.

Однажды ночью во время экспедиции мы проснулись от страшного грохота. Часовой, решив, что туземцы напали на наш склад и взорвали боеприпасы, подал сигнал тревоги. Оказалось, что это было землетрясение.

До нас дошла весть, что мистер Джеллибранд прибыл из Хобарта и скоро будет в Мельбурне. Вместе с мистером Хессом, представителем компании в Хобарте, он сошел с корабля в Джилонге и оттуда отправился верхом в Мельбурн. Однако прошло две недели, а в Мельбурне их еще не было, но и в Джилонг они не возвращались. Все заволновались. Хотя я очень устал после экспедиции, мне пришлось снова оседлать коня.

Миль через пятьдесят я сделал остановку в доме одного старого джентльмена, где должен был встретиться с сыном мистера Джеллибранда.

Сколько я в пути ни расспрашивал встречавшихся мне людей, я не обнаружил никаких следов путников. Они словно сквозь землю провалились. Как выяснилось впоследствии, они повздорили со своим проводником-европейцем, не согласившись следовать по предложенному им маршруту. Тот их оставил и, вернувшись к своему хозяину, капитану Поллаку, сказал: «Раз они не хотели меня слушать, пусть идут одни».

Я разыскал преданных мне туземцев и попросил их помочь отыскать следы лошадей.

Когда мистер Джеллибранд младший приехал, наша группа направилась на станцию[46] капитана Поллака. Отсюда мы вместе с капитаном проследовали до того места, где, по словам проводника, всадники разъехались в разные стороны. Далее следы копыт привели нас к огромной равнине, по которой

недавно прошелся пожар. Следы прервались. Мы все же решили пересечь пожарище… Долго мы плутали, вдруг видим: впереди лагерь туземцев. Я еще издали разглядел: это племя не из тех, что ласково встречают белых, и поэтому, предложив своим спутникам остановиться, сам поехал к шалашам.

Завиден меня, туземцы бросились врассыпную. Ониникогда не видели лошади, да и меня нелегко было опознать в европейском платье. Все же, когда я спешился и растолковал, кто я такой, они столпились вокруг меня. Вели они себя вполне дружелюбно. Только я принялся объяснять цель своего визита, как подъехали белые и один из них по-английски обратился к туземцам. Все мои труды пошли насмарку. Я даже не успел попросить туземцев, чтобы они приняли участие в поисках заблудившихся белых. Появление моих спутников так испугало туземцев, что они бросились в разные стороны.

Надо было, конечно, отправиться вслед за ними и в стойбище договориться обо всем, но мои спутники, опасаясь за свою жизнь, ни за что не соглашались отпустить меня.

Розыски не увенчались успехом, и мы несолоно хлебавши возвратились в Мельбурн. В это время прибыли из Хобарта друзья мистера Джеллибранда и мистера Хесса, Прослышав о несчастье, они решили продолжить поиски. И, уж конечно, сопровождать их должен был я. Но я, к их неудовольствию, отказался наотрез, считая, что, если я один займусь этим делом, будет больше толку. Так я и коменданту сказал, объяснив ему, что мои спутники только помешали мне и своим поведением поставили мою и свою жизнь под угрозу. Комендант согласился со мной, но хобартцы решили действовать на свой страх и риск; они взяли с собой нескольких туземцев и, как ни странно, даже дали им ружья.

Через три дня капитан Лонсдейл разрешил мне выехать одному на поиски, но, так как у моей лошади была стерта спина, мне пришлось отложить выезд до тех пор, пока ее можно будет оседлать. Лошадь паслась в свое удовольствие позади моего дома.

Но вот ко мне прибежал австралиец с сообщением, что моя лошадь истекает кровью. Я бегом к ней, мистер Батман — он как раз проходил мимо — за мной следом. Какой-то дикарь, то ли белый, то ли черный, перерезал ей подколенные сухожилия.

Бедная моя лошадка испустила дух, и пришлось мне на пароходе поехать в Джилонг, чтобы достать себе там другого коня, а уже потом приняться за поиски. Впрочем, я был уверен, что успехом они не увенчаются, раз столько людей приложили свою руку к этому делу. Они, конечно, всей душой хотели отыскать пропавших джентльменов, но понятия не имели, что надо для этого делать в незнакомой стране, да еще при столь

сложных обстоятельствах.

Мистер Джеллибранд младший делал все, что мог. Подстегиваемый тревогой за отца, он проявлял необычайную энергию. Но что толку? Он слушался советов окружающих, а они, как я уже сказал, своими неразумными действиями принесли больше вреда, чем пользы, помешав мне договориться с туземцами, которые могли бы найти пропавших европейцев, живых или мертвых.

Наконец я отправился в путь, но около станции мистера Рейбея узнал, что туземцы, сопровождавшие хобартскую поисковую партию, застрелили одного туземца и его дочь. Испугавшись последствий, вся экспедиция вернулась в Мельбурн. Теперь-то и вовсе смешно было надеяться что-нибудь выяснить, поэтому я сел на пароход и тоже возвратился в Мельбурн.

Расправе, учиненной белыми, не было никаких оправданий. Несчастные, которых так зверски застрелили, не имели никакого отношения к пропаже мистера Джеллибранда и мистера Хесса, да к тому же ведь даже не было установлено, что последние убиты. Я очень тяжело переживал это печальное происшествие, зная после стольких лет общения с туземцами, что бессмысленное убийство нисколько не возвысит в их глазах моих соотечественников. Напротив, туземцы ожесточатся и будут помышлять о мести.

Поиски пропавших джентльменов прекратились, хотя мы продолжали, где могли, наводить о них справки, но безрезультатно. В лице мистера Джеллибранда я потерял друга. Никогда не забуду, как тепло он ко мне отнесся. Это он, например, дал мне лошадь, с которой так жестоко обошлись.

В это время арестовали одного переселенца с земли Ван Димена. Судья распорядился отправить его в Лонсестон, и я, имея чин полицейского, вызвался сопровождать его. В Лонсестоне я сдал арестанта начальнику тюрьмы, а сам отлучился на несколько дней в поселок, чтобы повидаться с одним дружком с «Калькутты» (я не хочу называть его имя).

Тут в Лонсестон прибыл пароход. На его борту находились несколько арестантов, следовавших в Порт-Филипп, и капитан Фьянс, который был назначен судьей в Джилонг. Этим же пароходом я возвратился в Мельбурн. Проводили меня из Лонсестона хорошо, подарили мне муки и надавали вещей для меня и для туземцев.

Только я приехал в Мельбурн, как меня послали провожать капитана Фьянса и людей, которые ехали вместе с ним. Когда мы по пути в Джилонг пересекали равнину Эванг, начался сильный дождь. А я и без того был сильно утомлен переговорами с дружественными племенами перед отъездом из Мельбурна,

долгой дорогой, и тут совсем расклеился. Пришлось мне остановиться на отдых.

Утром я после некоторого раздумья решил догнать капитана. Первую остановку я сделал на станции мистера Фишера. Сколько буду жить, никогда не забуду, как добр и внимателен был ко мне этот человек. Совсем как мистер Ведж.

В Джилонге я провел всего несколько дней: мне велели сесть на ближайший пароход и возвращаться в Мельбурн. Но и здесь я не задержался: надо было ехать разыскивать овец, которых угнали туземцы.

Так несколько недель меня посылали то туда, то сюда, но все время я чувствовал, что кто-то упорно старается подставить мне ногу. Тогда я, не предвидя последствий моего шага, решил уйти со службы и покинуть колонию начальство которой не оценило моих услуг.

Мне, конечно, было жаль уезжать. Раньше я предполагал, что благодаря знанию языка и обычаев туземцев смогу до конца своих дней служить колониальной администрации. Но наиболее влиятельные белые относились ко мне с подозрением, туземцы, наверно, тоже перестали мне доверять после того, как я ушел от них, и, взвесив все за и против, я решил, что лучше мне уехать на землю Ван Димена. А то, как знать, украдут скот или убьют человека, а виноватым окажусь я.

Чтобы вы поняли, насколько обоснованы были мои опасения, я расскажу, по возможности коротко, об одном случае, который ясно показывает, как легкомысленно принимали порой власти решения по очень серьезным вопросам. Речь пойдет об одном туземце. Бедняга едва не лишился жизни, и только из-за наговора.

И со мной могло бы приключиться то же самое, останься я в колонии, где мне не доверяли лишь потому, что я имел на туземцев большее влияние, чем другие.

Глава XI
НА ЗЕМЛЕ ВАН ДИМЕНА

Я уже рассказывал вам о таинственном исчезновении мистера Джеллибранда и мистера Хесса. Вскоре после того как их перестали искать, в Джилонг с земли Ван Димена пришло судно, доставившее товары и пассажиров. В числе их на берег высадился плотник.

У него, естественно, был сундучок с инструментами и другой багаж, который надо было перенести с пристани в город. К этому времени туземцы приучились оказывать услуги такого рода, причем многие из них делали это очень ловко и по-своему любезно. Люди, хоть немного жившие среди туземцев, знают, как послушны бывают эти бедные создания, как стараются угодить тем, кто добр к ним.

Вот такого туземца и нанял плотник. Тот снес сундучок и прочие вещи, и в награду (а также, чтобы придать туземцу приличный вид) плотник подарил ему свои старые штаны и пиджак. Носильщик обрадовался безмерно, тут же натянул на себя обновки и поспешил к родичам, чтобы поразить их своей элегантностью. Мог ли он знать, как дорого за нее поплатится!

Через какое-то время с земли Ван Димена пришло еще одно судно, и наш герой вместе со своими родственниками в поисках заработка снова явился на пристань. Капитан корабля, увидев австралийца в таком странном одеянии, возомнил себя судьей и начал его допрашивать, причем так, как это делают самозваные, да и многие настоящие судьи, считающие, что они всегда правы, а

допрашиваемые всегда виноваты.

Проницательный капитан-судья клялся, что пиджак; который он увидел на туземце, принадлежал мистеру Хессу, что в этом пиджаке он уехал из Хобарта, что на материале видны красные пятна — следы крови. На основании этих показаний австралийца схватили, заковали в кандалы и отправили в Мельбурн, чтобы судить за убийство.

В Мельбурне арестованного привели к коменданту, а он пригласил меня в качестве переводчика. Сначала я было отказался, так как уже ушел со службы, но потом передумал, понимая, что человеку угрожает виселица.

Когда я пришел, допрос велся с помощью батрака мистера Фолкнера, якобы немного знавшего язык австралийцев. Но я почти сразу понял, что он имеет очень смутное представление о языке, и похолодел при мысли, что судья может что-нибудь решать на основании такого перевода. Я спросил австралийца, как к нему попало платье. Он рассказал. Узнает ли он плотника? Или, может быть, он скажет, где тот живет? Арестованный ответил, что плотник уехал из Джилонга, а куда — неизвестно.

Я объяснил все судье, но капитан продолжал твердить, что пиджак принадлежал мистеру Хессу, и пока арестованного отправили обратно в тюрьму. А пиджак дали мне, чтобы я постарался разыскать его прежнего владельца.

Несколько дней спустя гуляем мы со старшим констеблем по берегу реки и беседуем об этом деле, в частности о капитане, который обвинил туземца, и о том, какие это может иметь последствия для бедняги. Вдруг мужчина, который шел с женой впереди и все слышал, обернулся и сказал, что хотел бы взглянуть на пиджак, потому что, помнится ему, в числе прочих вещей он подарил свой старый костюм туземцу, который в Джилонге поднес его вещи… Мы сами понимаете, навострили уши, тут же повели его взглянуть на пиджак. И что же? Плотник признал свои пиджак и даже вспомнил, что пятна он посадил в Лонсестоне во время работы (это была, конечно, краска, а не кровь). И арестованного он тоже узнал. Парня выпустили, но не сразу; а после необходимых формальностей. Он, разумеется, был рад без памяти, хотя, оказавшись вновь на свободе, громко и горько расплакался, как плачут дети.

Я ничего не скажу о поведении капитана корабля, который чуть было не погубил человека. Но надо отдать должное коменданту Лонсдейлу: он всеми силами старался выявить истину. А когда дело прояснилось, он велел мне отвести австралийца к комендантше, которая его накормила и дала ему в подарок одеяло, топоры да в придачу хлеба и мяса на дорогу (до

стойбища его племени было не меньше пятидесяти миль). Я его немного проводил, и, когда прощался с ним, он был в развеселом настроении. Еще бы! Ему повезло, он отделался испугом, а ведь все могло быть иначе. Теперь вы видите, как легко погубить туземца, предъявив ему ложное обвинение.

Несколько слов о стране, в которой я прожил столько лет. Климат здесь очень мягкий, нечто среднее между климатом Нового Южного Уэльса и землей Ван Димена. Только в зимние месяцы на побережье дуют холодные ветры и льют дожди, и тогда даже туземцам приходится туго.

Нередко они прячутся от сильных штормов в дуплах деревьев, в пещерах, в расселинах скал.

В летние месяцы совсем не так жарко, как думают многие, но зато досаждают москиты и слепни. Впрочем, эти насекомые водятся не только около Порт-Филиппа, а везде, где есть большие леса. Чтобы спастись от назойливых существ, туземцы не расстаются с зажженными факелами.

Иногда здесь бывают очень сильные грозы. Однажды, как я уже рассказал, при мне произошло землетрясение, но больше я о таких стихийных бедствиях не слыхал. Один раз мне довелось быть свидетелем наводнения, но они случаются крайне редко.

Рассказывать о деревьях, травах, животных и птицах нет нужды, на эту тему написано достаточно научных трудов. Лучше я скажу еще о туземцах, о которых много знаю.

Продолжительность жизни австралийцев примерно такая же, как и жителей цивилизованных стран. Некоторые достигают глубокой старости. О смерти у туземцев очень своеобразное представление. Они считают, что ее вызывают не естественные причины, а злые козни людей. У австралийских женщин почти никогда не бывает больше шестерых детей, да и шестеро редко. Остальных матери убивают немедленно после их появления на свет, считая, что раз они не могут носить их с собой и кормить, то и для матери, и для ребенка будет лучше, если его не станет.

Закончу, однако, рассказ о моей жизни. 28 декабря 1837 года я выехал из Мельбурна и 10 января 1838 года прибыл в Хобарт. Там капитан корабля — его фамилия была Лэнсей — пошел со мной в банк и помог мне обменять чек на деньги. Затем капитан пригласил меня в таверну «Герцогиня Кентская» и угостил по-царски. Очень добрый был человек.

В таверне ко мне подошел мистер Кате, имевший ферму близ Хобарта. Мы с ним были земляками. Мистер Кате предложил остановиться у него и жить совершенно бесплатно, сколько моей душе вздумается. Я с радостью согласился и провел под его крышей несколько недель.

Когда я гулял по городу, ко мне не раз обращались незнакомые люди с просьбой рассказать о Порт-Филиппе. Слухи об этом крае широко распространились по всей земле Ван Димена. Что ни день от пристани отходили суда, доставлявшие в новую колонию переселенцев. Не удивительно, что люди ловили каждое мое слово.

Однажды какой-то джентльмен предложил мне на улице билет в театр. Так как я не знал дороги, он любезно проводил меня. Представление мне очень понравилось. Под конец ко мне подошел человек и спросил, не желаю ли я посетить театр еще раз и посмотреть представление со сцены, где, конечно, все видно гораздо лучше. Не чуя подвоха, я согласился. Я и не подозревал, что меня хотят показать как англо-австралийского гиганта. Однако на следующий день я узнал всю правду и отказался быть посмешищем. Этим я нанес чуть ли не смертельный удар хозяину театра, который уже объявил о моем выступлении.

У мистера Катса меня посетил старый товарищ с «Калькутты». Он стал почтенным человеком, имел богатую ферму в тридцати милях от Хобарта. Он пригласил меня в гости, и, как только все его дела в городе были улажены, мы поехали на ферму. Там я прожил три недели, но, хотя принимали меня очень хорошо, безделье мне опротивело. Я попросил хозяина дома замолвить за меня словечко его превосходительству сэру Джону Франклину[47]. Может, он подыщет для меня работу. Мой друг не мешкая поехал к губернатору, и через несколько дней меня пригласили к нему в дом. Я имел честь быть представленным сэру Джону и леди Франклин и нескольким джентльменам, которые с ними завтракали. Меня засыпали вопросами. В конце губернатор поинтересовался, чего я хочу. Небольшой участок земли? Земли его превосходительство дать не может, а вот о работе позаботится.

И действительно, очень скоро меня назначили помощником заведующего складом в приюте для иммигрантов, что в Хобарте. Когда иммигрантов расселили и дом опустел, меня перевели в женскую больницу на должность привратника.

В приюте для иммигрантов я познакомился с одной симпатичной семьей. Глава ее — человек мастеровой — решил подзаработать и отправился сначала в Сидней, а оттуда по суше в Порт-Филипп. По дороге несчастного у реки Муррей убили туземцы, и его жена и дочь остались без куска хлеба.

Как только факт смерти был установлен, я сделал предложение вдове покойного. Она приняла его, и в марте 1840 года преподобный мистер Эвинг обвенчал нас.

Вскоре я заразился тифом и впервые за всю мою жизнь много

дней провалялся в постели. Жена и дочь выходили меня, но здоровье мое пошатнулось. Видимо, со временем сказались лишения жизни в лесу.

В 1850 году в женской больнице произошли изменения, я стал не нужен, и меня уволили на пенсию.

Положили мне двенадцать фунтов в год. Благодаря бережливости и трудолюбию жены и дочки мы кое-как сводили концы с концами.

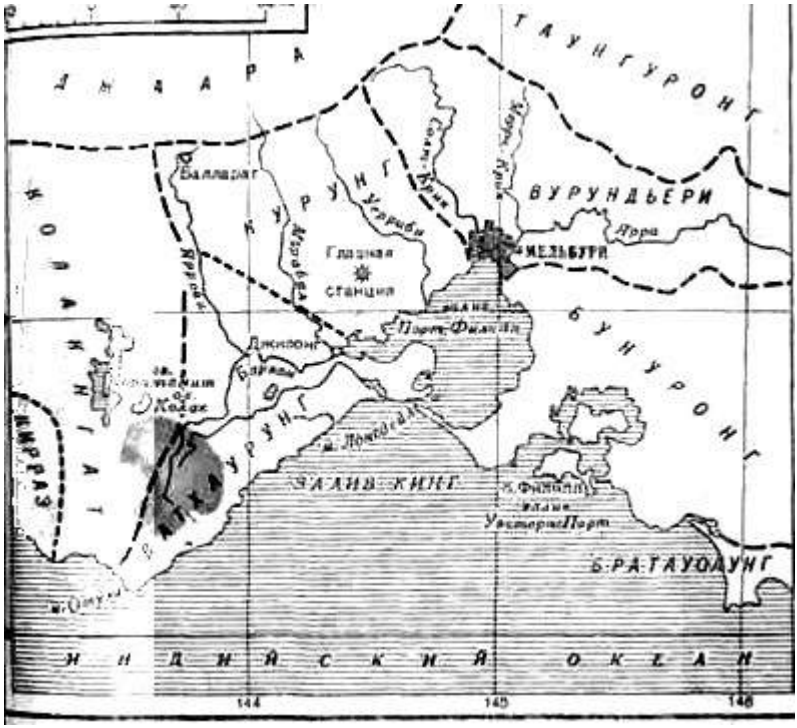
Я, конечно, и за эти деньги благодарен, особенно когда вспоминаю о своем прошлом, но я не теряю надежды, что власти Порт-Филиппа, ныне большой и богатой провинции Виктория, что-нибудь сделают для меня, когда узнают из этой книги всю грустную историю моей жизни.

Мой рассказ подходит к концу. Я надеюсь, что он послужит предостережением всем легкомысленным юнцам, всем, кто, не желая слушать увещевания родителей, опекунов, друзей, не думает о своем будущем. Пусть мой пример стоит у них перед глазами. За грехи юности я расплатился многими годами страданий, которые постарался здесь правдиво изобразить.

* * *

На этом заканчиваются «Приключения Уильяма Бакли», но нам хочется сказать несколько слов в поддержку героя книги. Установлено, что, не будь в Порт-Филиппе Бакли в момент прибытия первых поселенцев, им бы, наверно, пришлось перенести немало трудностей и опасностей.

Известно также, что сэр Ричард Берке посулил Уильяму Бакли двести акров земли, но он их так и не получил. Бакли, однако, жив, поэтому еще не поздно восстановить справедливость. Вряд ли властям Виктории приятно слышать, что человек, так много сделавший для их края, получает от правительства Англии двенадцать фунтов в год за службу на земле Ван Димена. Будем надеяться, что они позаботятся об Уильяме Бакли и что ему никогда не придется познать нищету и пожалеть о своем возвращении к цивилизации.



Расселение племен в районе Порт-Филиппа

This file was created
with BookDesigner program
bookdesigner@the-ebook.org
03.05.2011

notes

Примечания

1

По-видимому, Бакли было в ту пору не девятнадцать, а самое большее восемнадцать лет (если он действительно родился в 1780 году). Не вызывает сомнений, что он вступил в ряды регулярной армии в 1799 году и тогда же участвовал в голландском походе. До этого он, по его словам, год прослужил в Чеширском ополчении. Следовательно, он вступил в него в 1798 году. Эта дата подтверждается и замечанием Бакли о том, что он уже четыре года служил в солдатах, когда оказался соучастником преступления и был арестован. Если наши расчеты верны, это должно было случиться в 1802 году. И действительно: корабль «Калькутта», доставивший заключенных в Порт-Филипп, вышел из Портсмута 27 апреля 1803 года. Этот день отделяют от момента ареста предварительное заключение (безусловно, непродолжительное) и принудительные работы под Вулвичем, длившиеся, опять-таки по словам самого Бакли, около полугода. — *Х. Р. (Хельмут Рейм).*

2

Англия с 1793 года участвовала в военной коалиции против республиканской Франции, позднее — против Наполеона. — *Прим. ред.*

195,5 см. — *Прим ред.*

4

Мы не знаем, каким образом Бакли «нарушил закон». Он об этом умалчивает. Одно бесспорно: бунты и другие серьезные нарушения воинской дисциплины случались тогда в английской армии нередко. — *Х. Р.*

5

Первая английская штрафная колония на материке Австралии была создана в 1788 году в бухте Порт-Джексон (теперешний Сидней). Колония в бухте Порт-Филипп (теперь Мельбурн) основана в 1803 году. — *Прим. ред.*

6

Подполковник Давид Коллинз был назначен не губернатором, а вице-губернатором Порт-Филиппа, иными словами, управляемая им колония подчинялась непосредственно не правительству Англии, а губернатору Нового Южного Уэльса.

Одновременно с «Калькуттой», от берегов Англии отчалил грузовой пароход «Океан». На борту обоих судов находилось двести девяносто девять арестантов, пятьдесят солдат морской пехоты, восемнадцать свободных колонистов. Шестнадцати женщинам и десятерым детям было разрешено сопровождать мужей и отцов. Транспорт вышел из Англии 27 апреля 1803 года. В общей сложности он увозил четыреста человек (вместе с офицерами Коллинза, гражданскими чиновниками, врачами, фельдшерами, духовными лицами). - *Х. Р.*

7

Плавание продолжалось пять месяцев. Миновав Рио-де-Жанейро, Каапстад (Кейптаун), «Калькутта» и «Океан» 9 октября 1803 года пристали к австралийскому берегу, 25 октября был закончен палаточный лагерь и поднят английский флаг. — *Х. Р.*

8

Дневник лагерного капеллана преподобного Роберта Нопвуда, отрывки из которого опубликованы Джоном Морганом, биографом Бакли, позволяет довольно точно восстановить картину побега и сопутствовавших ему обстоятельств. Из дневника явствует, что Бакли помимо всего прочего был денщиком Коллинза. Рано утром 12 декабря 1803 года двое каторжников — одного звали Ли — явились в сад губернатора и якобы по его приказу потребовали, чтобы садовник выдал им ружье и патроны (немного дней спустя Ли с несколькими товарищами бежал). В ночь с 24 на 25 декабря узники воспользовались тем, что, поддавшись рождественскому настроению, стража ослабила свою бдительность, проникли в палатку лагерного чиновника и похитили ружье и пару сапог. В ту же ночь была ограблена больничная палатка. Бакли и его товарищи бежали из лагеря 27 декабря около 9 часов вечера. Их было шестеро; один — Чарльз Шоу — был ранен выстрелом часового (Бакли ошибался, полагая, что Шоу был убит). Раненого доставили обратно в лагерь. Кроме этой шестерки до 31 декабря бежало еще двое каторжников, а один был задержан при попытке к бегству. — Х. *Р.*

9

Имеется в виду залив Порт-Филипп. — *Х. Р.*

10

Сейчас Барвон Ривер — *Х. Р.*

11

Это никак не могла быть река Ярра, так как Ярра, в устье которой впоследствии был заложен Мельбурн, протекает к северу от залива Порт-Филипп, а Бакли со своими товарищами находился к юго-западу от него. Возможно, это была река Яррови, а возможно, какая-нибудь другая река, ибо у многих племен, населяющих штат Виктория, слова с корнем «ян» или «яр» означают «идти», «бежать», «двигаться», то есть в переносном значении течь. Следовательно. «Ярра» или другое аналогично звучащее слово могло означать любую текучую воду. Нынешнее наименование реки «Ярра» происходит не от местного названия именно этой реки, а от слова «течь». *Ву рундьери,* племя, жившее в низовьях реки Ярра, называли ее Бей-рей-ранг. — *Х. Р.*

12

Когда Бакли распрощался со своими товарищами, их еще было четверо. Преподобный Нопвуд сообщает в дневнике, что в январе 1804 года двое из них предстали перед лагерным начальством: 16 января явился некто М'Аллендер с украденным у чиновника ружьем, а через восемь дней дополз до лагеря и второй беглец «в очень ослабленном состоянии». - *Х. Р.*

13

Бакли, конечно, имеет в виду собаку динго. — *Х. Р.*

14

Судя по размерам, указанным Бакли, это были южные морские котики, родственные калифорнийским морским львам. Их самцы достигают в длину свыше двух метров, самки — не больше одного и трех четвертей метра. В воде их шкура кажется почти черной. Но, когда морские котики выползают на берег погреться на солнце, видно, что спина у них покрыта серыми пятнами, а брюхо — коричневое. В первые десятилетия прошлого века морские котики были почти истреблены, и позднее охота на этих животных была запрещена. В заливе Порт-Филипп они в настоящее время не водятся, но на нескольких островах, расположенных на подступах к нему, еще можно видеть кое-где их колонии, находящиеся под защитой закона. Морские котики питаются рыбой и каракатицами. — *Х. Р.*

15

«Обитателями морских глубин», в чью пещеру попал Бакли, были, очевидно, уже упоминавшиеся морские котики. Брем пишет об их северных сородичах Arctocephalos ursinus что они выискивают островки или такие участки побережья, о которые с особенной силой бьют волны, и располагаются как раз над высшей наиболее неприступных скалах. — *Х. Р.*

16

Верование, будто белые — это, возвратившиеся из царства мертвых коренные жители, было распространено в значительной части восточной половины Австралии. Бакли не первый беглец, которого по этой причине дружелюбно приняли австралийцы. Его бывший начальник Давид Коллинз пишет в своей книге «Рассказ об английской колонии Новый Южный Уэльс», изданной в 1798 году, что в 1795 году около Порт-Стефенса (морская бухта к северу от Сиднея, вблизи которой ныне расположен город Ньюкасл) военный корабль обнаружил четырех беглых каторжников. Коренные жители тепло приняли их «как своих павших в боях предков». Они были уверены, что к ним из-за моря явились в гости погибшие сородичи. Один туземец даже «узнал среди белых своего отца».

Мы не располагаем сведениями о том, как представляли себе загробный мир люди племени *ватхаурунг,* — ведь единственным источником наших познаний об этом племени являются записки Бакли. Но мы имеем достоверные этнографические сообщения о соседнем племени — вурундьери (Бакли называет их *варвару*). Вурундьери верили в существование души (*муруп*), способной покидать тело человека не только после его смерти, но и когда он спит. После смерти человека его муруп отправляется в небесную страну, *тхарангалк-бек,* где растет много больших эвкалиптов. Туда муруп доставляют *каралк* — лучи заходящего солнца. Из этого следует (мы пользуемся, естественно, терминологией вурундьери), что ватхаурунг приняли Бакли за муруп человека по имени Муррангурк, которая возвратилась из тхарангалк-бека. — *Х. Р.*

17

Корробори означает не только празднество коренных жителей. По сути дела это исполнение танцев и песен по любому поводу, как приуроченных к сакральным церемониям и официальным торжествам (например, по случаю посвящения юношей в мужчины), так и вызванных просто стремлением к социальному общению, как сказали бы мы. Далеко не все, что пели и танцевали австралийцы, было частью какого-то священного обряда. В ознаменование встречи в условном месте давно не видевшихся родственников и знакомых также устраивали корробори.

Слово «корробори» происходит из языка жителей Нового Южного Уэльса и, по-видимому, произошло в результате слияния двух глаголов: *коробра* — танцевать и *бериа* — петь. Подобно слову «бумеранг», «корробори» было заимствовано белыми для обозначения аналогичных представлений у других племен, которые имели для этой цели совсем доугие наименования. Члены этих племен восприняли слово «корробори» как термин белых для их празднеств и стали применять его в общении с белыми и между собой. Так слова «бумеранг», «биллабонг», «вадди», а также «корробори», первоначально употреблявшиеся только одним или немногими племенами, в сравнительно короткий срок распространились по всему континенту. — *Х. Р.*

18

Способы погребения умерших были у разных австралийских племен очень разнообразны. Кремация применялась только некоторыми племенами юго-восточной части материка. Гораздо шире было распространено зарывание трупа в землю (иногда при этом связывали или уродовали труп из суеверного страха перед ним), «воздушное погребение» (тело клали на помост или на дерево), местами — мумификация путем копчения в дыму, у некоторых племен — даже эндоканнибализм, связанный тоже с суеверными представлениями о магической силе умершего. — *Прим. ред.*

19

Бумер — местное название гигантского кенгуру. Бумер в сидячем положении достигает роста взрослого мужчины, вес его равен трем центнерам. — *Х. Р.*

20

Австралийцы строго соблюдали правила раздела охотничьей добычи (хотя бы убитой в одиночку), соответствующие нормам общинно-родового строя. Но эти обычаи были неодинаковы у разных племен: у одних — равный раздел между всеми членами группы (стойбища), у других — сообразно родственным и брачным отношениям: например, в первую очередь снабжались родители жены. — *Прим. ред.*

21

К сожалению, не удалось выяснить, имеют ли рассказы жителей Виктории о буньипе какую-нибудь подоплеку или это вымысел.

Обращает на себя внимание общий для всех рассказов момент: местом пребывания этого загадочного животного неизменно указываются глубокие и спокойные водоемы с пресной водой, что соответствует образу жизни утконоса, которого можно наблюдать только близ таких источников воды, большей частью в безветренные вечера. Это не значит, что туземцы выдавали, конечно, хорошо известного им утконоса за буньипа. Но здравствующий и ныне утконос мог утвердить их в мысли, что существует, вернее, продолжает существовать, сказочное животное; хотя сейчас это только плод их фантазии, но, может быть, оно имело некогда своим реальным прообразом какое-нибудь вымершее животное. — *Х. Р.*

Остров Тасмания. — *Прим. ред.*

23

Наиболее обычный способ «воздушного погребения» в лесистых местностях Австралии. — *Прим. ред.*

24

В позднейшей этнографической литературе не раз описывался обычай дружественных сборищ соседних племен, большей частью по случаю поспевающих в данной местности плодов, орехов или изобилия животной пищи. Этот обычай очень характерен для общинно-родового строя. Дружественные отношения между австралийскими племенами были более частым явлением, чем враждебные. — *Прим. ред.*

25

Волосы аборигенов Австралии более правильно называть волнистыми, а не прямыми. — *Прим. ред.*

26

Ваакее — ворон у вурундьери. Мифическим созидательным существом был также ваанг. Он считался тотемом одной экзогамной половины ватхаурунг и других племен, населявших область близ Порт Филиппа. Тотемом другой половины был австралийский орел. Этнографический термин «тотем», заимствованный из языка североамериканских индейцев, означает вид животного или растения, с которым группа людей считает себя связанной — по происхождению или по другим причинам.

Те кто имел общий тотем, не могли вступать в брак между собой. Следовательно, мужчины и женщины из тотемной группы буньип могли иметь супружеские отношения только с мужчинами и женщинами из тотемной группы ваанга. Социальная группа члены которой во избежание кровосмесительства не могут вступать в поло вые сношения друг с другом, называется экзогамной.

Мифы о происхождении огня были у австралийцев очень широко распространены. В большинстве их огонь связывается с какой-нибудь птицей Однако Бакли едва ли прав, объясняя этим мифом запрет убивать ворона: запрет этот скорее тотемический, потому что ворон у многих племен был тотемом экзогамной группы. — *Х. Р.*

27

Это так называемая копьеметалка, или метательная дощечка, — приспособление, увеличивающее размах руки при метании копья. Она в разных формах была распространена почти у всех племен Австралии — *Прим. ред.*

28

Описание щита несколько неточное. У племен Виктории употреблялись щиты двух видов: более широкие, из вогнутой тонкой деревянной пластинки со вставленной ручкой, чтобы прикрываться от удара копья; и массивные, тяжелые, но узкие «отражательные» щиты, с прорезями посередине для руки. Они служили для отбивания ударов главным образом палицей или бумерангом. — *Прим. ред.*

29

Словом «зять» здесь приблизительно переведено английское выражение brother-in-law, означающее разные степени свойства в пределах одного поколения (русское *зять, шурин, деверь, свояк*). Бакли имеет здесь в виду то, что туземец, о котором идет речь, стал мужем женщины, бывшей прежде женой того убитого Муррангурка, за которого теперь австралийцы принимали самого Бакли. — *Прим. ред.*

30

Не следует думать, что эти «белки» сродни нашим. Бакли имеет в виду маленьких сумчатых, которые, как и опоссум, относятся к семейству *Phalangeridae. - Х. Р.*

31

Позднейшие наблюдатели и исследователи австралийцев не раз подтверждали, что очень часто межплеменные и межродовые столкновения происходили из-за женщин. — *Прим. ред.*

32

Карбором Бакли, очевидно, называет коала. В эвкалиптовых лесах штата Виктория благоприятные условия для этого смешного обитателя деревьев. — *Х. Р.*

33

Не совсем ясно, в каком смысле Бакли употребляет здесь выражение «семья» (family). Индивидуальная, или малая, семья не составляла у австралийцев самостоятельной общественной единицы. Хотя по временам отдельные семьи, каждая сама по себе, занимались поисками пищи, охотились, по большей части локальная (или родовая) группа, состоявшая из нескольких десятков людей, вела совместную хозяйственную и общественную жизнь. — *Прим. ред.*

34

Обычай экзогамии соблюдался строго у всех австралийских племен. Обычай левирата (женитьбы на вдове умершего брата) был тоже широко распространен. — *Прим. ред.*

35

Каннибализм у австралийцев составлял очень редкое явление. Он был связан чаще всего, как это видит и Бакли, с суеверием. — *Прим. ред.*

36

Такой обычай впоследствии описывал подробно Альфред Хауитт. — *Прим. ред.*

37

Имеется в виду Бассов пролив.

38

Имеется в виду, очевидно, Томсонс-Крик, вернее, ее низовья, невдалеке от впадения в океан, где ощущается действие приливов и отливов. — *Х. Р.*

39

Обычай взаимного «избегания» тещи и зятя соблюдается австралийскими племенами почти повсеместно. Наиболее правдоподобное объяснение этого обычая состоит в том, что это было одно из проявлений перехода от группового брака к парному. — *Прим. ред.*

40

Двуглавые змеи — это не сказочные животные, а отклонения от нормы, встречающиеся правда, довольно редко, у змей нескольких видов. Двуглавые змеи абсолютно жизнеспособны. Судя по описанию Бакли, ему довелось увидеть двуглавого удава, скорее всего так называемую ковровую змею вида *Morelia. — Х. Р*

41

Должность «протектора туземцев» была учреждена в Австралии в 1838 году, причем как раз в районе Порт-Филиппа, ставшем ядром провинции Виктория. Впоследствии и в других австралийских колониях появились аналогичные чиновники. Еще несколько лет назад в каждом штате был главный протектор, которому подчинялось несколько помощников, ведавших отдельными районами и резерватами для местных жителей. — *Х. Р.*

42

По-видимому, в этом описании племени паллидургбарран правда тесно переплетается с вымыслом. Намеки Бакли на то, что люди этого племени вели в зарослях примитивный образ жизни, дают право предположить, что паллидургбарран происходят из глубинных районов материка, может быть, из отдаленных от моря северо-западных областей Виктории. В этой безрадостной местности кочевали племена людоедов, наводившие своими набегами ужас на туземцев, обитавших в низовьях Муррея, в южной части Австралии. На территории нынешней Виктории они также время от времени вторгались в южные прибрежные районы. Были ли эти воинственные племена и в самом деле такими «дикими», как утверждают их соседи — это уже другой вопрос. — *Х. Р.*

43

Эта часть материка получила у первых поселенцев название *Australia Felix. — Прим. ред.*

44

Бакли ошибается. По данным документов, «Калькутта» пристала к австралийскому берегу 9 октября 1803 года, а английский флаг был поднят в лагере 25 октября. — *Прим. ред.*

45

Договорившись с туземцами о «покупке» земли, Батман отметил четырьмя зарубками деревья, ограничивавшие приобретенный им участок. — *Х. Р.*

46

Станцией в Австралии называют скотоводческую ферму. — *Х. Р.*

47

Известный английский мореплаватель сэр Джон Франклин с 1837 по 1843 год был губернатором колонии земля Ван Димена. Эта сторона жизни Франклина почти неизвестна читателям, интересующимся историей географических открытий. Капитан прославился тем, что пытался отыскать северо-западный проход из Атлантического океана в Тихий. Его экспедиции вписали одну из самых трагических страниц в книгу исследования Арктики. 11 июня 1847 года Франклин погиб во льдах близ острова Кинг-Вильяма, так и не достигнув своей цели. — *Х. Р.*